

Дарья Марак

ИНДЕКС 39

КОГДА ЧЕЛОВЕКА СВОДЯТ К ЦИФРЕ,
ОН ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

ИПН
ИНДЕКС
ПСИХИЧЕСКОЙ
НОРМЫ
0-100

ЦЕНТР КОРРЕКЦИИ

Дарья Марак

Индекс 39

«Автор»

2026

Марак Д.

Индекс 39 / Д. Марак — «Автор», 2026

Виктор Лаврентьев — старший психолог Комиссии по психической безопасности, один из создателей системы Индекса Психической Нормы (ИПН), которая оценивает психическое здоровье граждан по 100-балльной шкале. Пятнадцать лет он был уверен, что защищает общество от хаоса. Но когда его собственную дочь-художницу Киру признают «девиантной» с ИПН 39 и отправляют в Центр коррекции, Виктор оказывается по другую сторону системы, которую сам помогал строить. Роман-антиутопия о цене «нормальности», о том, как легко система превращает инструмент спасения в механизм подавления, и о решении, которое принимает каждый: остаться винтиком в машине или рискнуть всем ради тех, кого любишь. История об отце, который готов разрушить мир, созданный своими руками, чтобы спасти дочь.

© Марак Д., 2026

© Автор, 2026

Дарья Марак

Индекс 39

Глава 1. Утро оценщика

Будильник Виктора Лаврентьева заиграл в 6:15 — не резким звонком, а постепенно нарастающей композицией для фортепиано. Шопен. Прелюдия №4. Он сам выбрал этот трек три года назад, после очередного обновления протокола, когда система "Уют" предложила стандартный набор мелодий с пометкой "оптимально для когнитивного пробуждения". Виктор тогда настоял на Шопене — Ольга смеялась, говорила, что он единственный человек в мире, кто спорит с алгоритмом умного дома о музыкальном сопровождении собственного утра.

Он пошевелил пальцами ног, проверяя тело на наличие утренней скованности. Сорок два года — ещё не возраст, но организм уже напоминал: ты не студент, спишь на боку с поддержкой ортопедической подушки, а колени иногда похрустывают, когда встаёшь. Виктор сел, потёр лицо ладонями, задержал дыхание на пять секунд — техника быстрого центрирования, которую он сам рекомендовал клиентам с утренней тревожностью.

— Температура в спальне двадцать один градус, — сообщил голос системы. — Влажность пятьдесят четыре процента. Уровень CO₂ — четыреста двадцать частей на миллион. Показатели в норме.

— Спасибо, Лира, — ответил Виктор автоматически. Он не помнил, когда начал благодарить голосового ассистента, но заметил это за собой около года назад и решил не анализировать. Иногда, если слишком долго смотреть внутрь себя, начинаешь видеть трещины, которых там нет.

Ольга уже не спала. Он слышал, как она возится на кухне: звон чашки, шипение кофемашины, приглушённый голос радиостанции "Культура", где утренний ведущий обсуждал новый закон об образовательных стандартах. Виктор надел халат — старый, тёмно-синий, с потёртыми локтями, который Ольга грозила выбросить уже второй год, — и вышел в коридор.

Дом пах кофе и деревом. Их квартира находилась на двенадцатом этаже жилого комплекса "Вертикаль" — один из первых проектов после реформы градостроительства, когда город начал расти не вширь, а вверх. Двадцать шесть квадратных метров гостиной совмещённой с кухней, две спальни, кабинет Виктора со звукоизоляцией и стационарным компьютером. Когда им выделили эту квартиру — восемь лет назад, после повышения Виктора до старшего психолога, — Ольга плакала от счастья. "Ты представляешь, свой кабинет! У нас будет свой кабинет!" Теперь они называли его "рабочая комната", и Ольга заходила туда редко.

— Доброе утро, — сказал Виктор, целуя жену в макушку.

Ольга обернулась. Ей было сорок, но выглядела она моложе — возможно, из-за короткой стрижки и почти полного отсутствия косметики. Учительница литературы, она носила свою профессию в осанке, в том, как держала чашку — указательный палец вытянут вдоль ручки, мизинец отставлен. "Учительская привычка", — шутила она. "Следить за каждой мелочью".

— Сегодня тяжёлый день? — спросила она, протягивая ему кофе. Чёрный, без сахара, с кардамоном. Она помнила.

— Стандартная среда, — ответил Виктор. — Первый приём в восемь, потом ещё трое. До обеда.

— Что-то случилось?

Она всегда это чувствовала. Виктор сделал глоток — кофе был горячим, почти обжигающим, в самый раз для осени, которая в этом году пришла раньше обычного.

— Ничего особенного. Вчера пришёл запрос на пересмотр по делу журналиста из "Гласности". Помнишь, я рассказывал?

Ольга нахмурилась. Она не любила, когда Виктор рассказывал о работе. Не потому, что ей было неинтересно — скорее потому, что слишком хорошо понимала, чем он занимается.

— Того, который писал о махинациях в строительном комитете?

— Его ИПН был пятьдесят два, — сказал Виктор ровно. — Я направил его на терапию, но сверху пришёл запрос на понижение до сорока. Для "коррекции поведения".

— И ты...

— Я следую протоколу, Оль. Ты знаешь.

Она ничего не ответила. Отвернулась к кофемашине, хотя её чашка уже была полна. Виктор почувствовал знакомое напряжение — молчаливое, почти невидимое, как статическое электричество перед грозой. Оно возникало между ними всё чаще в последние месяцы. Ольга не обвиняла его вслух — она вообще редко говорила о его работе прямо. Но молчание иногда было громче любых слов.

— Кира встала? — спросил Виктор, меняя тему.

— Спит ещё. Вчера допоздна рисовала.

— Опять?

— "Опять" — это плохо? — Ольга обернулась, и в её голосе мелькнула знакомая острота. — Она художница, Виктор. Художники рисуют по ночам. Это нормально.

— Я не говорил, что ненормально.

— Ты подумал.

Виктор поднял руки в примирительном жесте. Он знал этот спор — он повторялся каждые несколько недель, как цикл стирки, с предсказуемой регулярностью. Ольга видела в его профессии угрозу их дочери. Виктор видел в профессии инструмент защиты. Они оба были правы, и именно это делало спор неразрешимым.

— Я в душ, — сказал он. — Разбуди Киру к половине восьмого, ей в школу.

— Она не в школу сегодня. У них день самостоятельной подготовки.

— А. Точно.

Виктор закрыл дверь ванной и включил воду, делая напор сильнее, чтобы шум заглушил мысли. Под душем он обычно проигрывал предстоящий день: лица клиентов, возможные сценарии, сложные вопросы. Это был ритуал, который он разработал для себя ещё на стажировке, и за пятнадцать лет он ни разу его не нарушил.

Сегодня — четверо. Первый — художник, Артём Верещагин, сорок пять лет, повторная оценка. Первичный результат: ИПН 68. Ниже нормы. Направлен работодателем после серии конфликтов в коллективе. Второй — женщина, Лариса Петровна Соколова, тридцать один год, ИПН 65, депрессия после сокращения. Третий — несовершеннолетний, мальчик, десять лет, ИПН 44. Аутистический спектр. Четвёртый — тот самый журналист, Максим Руднев, ИПН 52, запрос на понижение.

Виктор выключил воду, постоял секунду, позволяя каплям стечь по спине. В зеркале отражался мужчина с сединой на висках, которую он принципиально не закрашивал, и глазами, которые за пятнадцать лет научились видеть то, что люди пытаются спрятать. Он нравился себе в эти моменты — до того, как наденет рубашку и галстук, станет старшим психологом Лаврентьевым, представителем Комиссии по психической безопасности.

Он нравился себе, когда ещё был просто Виктором.

Комиссия по психической безопасности располагалась в центре города, в здании, которое до реформы было Министерством связи. Сорок лет назад здесь распределяли телефонные номера и почтовые индексы. Теперь здесь распределяли судьбы.

Виктор прошёл через турникет, приложив карточку к считывателю. Зелёный свет — доступ разрешён. Сканер лица — идентификация подтверждена. Уровень доступа: "золотой" — всё здание, включая архив третьего уровня и серверную. Виктор не гордился своим уровнем доступа — скорее относился к нему как к неизбежному последствию своего положения. Чем

выше ты поднимался по карьерной лестнице, тем больше ключей у тебя оказывалось. И тем меньше вопросов ты задавал о том, какие двери эти ключи открывают.

Лифт пах дезинфектором и бумагой — странное сочетание, которое стало для Виктора запахом работы. Кабинка поднялась на четвёртый этаж, двери открылись с мягким шипением. Коридор был пуст — Виктор пришёл за пятнадцать минут до начала приёма, как делал всегда. Он ценил эти минуты тишины, когда мог настроиться, проверить записи, приготовить тесты.

Его кабинет был номер 412 — угловой, с окном во всю стену. Вид на город: серые прямоугольники жилых комплексов, зелень парков — редкая для этого района, — и на горизонте шпиль Центрального коррекционного центра, самого высокого здания в городе. Виктор старался не смотреть в ту сторону.

Он включил компьютер, ввёл пароль, открыл программу "Оценка — 7.4". Интерфейс был минималистичным: белый фон, чёрный шрифт, вкладки слева: "Анамнез", "Нейросканирование", "Проективные тесты", "Интервью", "Результат". Внизу — кнопка: "Завершить оценку". Красная. Нельзя нажать случайно.

Первым в расписании значился Верещагин Артём Сергеевич. Виктор открыл файл и пробежал глазами по данным.

Верещагин А.С., 45 лет. Художник-иллюстратор. Фриланс. Женат, двое детей (8 и 12 лет). Первичная оценка: ИПН 68. Повод: конфликт с заказчиком (отказ выполнять работу "политически некорректного содержания"). Работодатель направил на переоценку с рекомендацией "коррекции асоциальных установок".

Виктор потерял переносицу. ИПН 68 — это нижняя граница "зелёной зоны", диапазон допустимого. Формально оценка не требовала вмешательства. Но запрос на переоценку означал, что кто-то наверху считал иначе. Виктор знал эту процедуру: "рекомендация" от работодателя, поданная через городской департамент занятости, автоматически ставилась в приоритет. Если психолог Комиссии подтверждал понижение, клиент терял работу, получал направление на терапию и — в худшем случае — предписание на добровольно-принудительную коррекцию.

"Добровольно-принудительную". Виктор помнил, как этот термин появился в официальных документах. Он сам участвовал в рабочей группе, которая разрабатывала формулировки. "Терапия с элементами поведенческой коррекции". Звучало почти безобидно. Как "зубная паста с фтором".

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Виктор, закрывая файл.

Артём Верещагин был выше Виктора на полголовы, худой, с длинными волосами, собранными в небрежный хвост, и руками, испачканными краской — Виктор заметил синее пятно на указательном пальце и зелёное — на запястье. Одет в простую серую толстовку и джинсы. Оценщики носили строгие костюмы — тёмно-синие или чёрные, без галстуков, но с обязательным значком Комиссии на лацкане. Контраст был намеренным: "Мы представляем порядок, вы представляете хаос, который мы упорядочим".

— Артём Сергеевич, здравствуйте. Присаживайтесь.

Художник сел на стул для клиентов — мягкий, с подлокотниками, но без колёсиков, чтобы человек чувствовал устойчивость, а не возможность ускользнуть. Виктор сам выбирал эту мебель. Он верил, что окружение влияет на результат.

— Вы знаете, зачем вас направили? — спросил Виктор, включая диктофон.

— Знаю, — голос Верещагина был спокойным, почти равнодушным. — Я отказался рисовать портрет мэра с короной на голове. Заказчик обиделся. Написал жалобу, что я "проявляю признаки нестабильности".

— Вы считаете, что реакция заказчика была необоснованной?

— Я считаю, что отказ рисовать идиотскую карикатуру — это не симптом психического расстройства. Это называется "хороший вкус".

Виктор позволил себе лёгкую улыбку. Он не должен был — протокол предписывал нейтральное выражение лица на протяжении всего интервью, — но улыбка вырвалась сама. Он быстро подавил её, нахмурившись.

— Давайте начнём с нейросканирования.

Процедура была стандартной: клиент надевал на голову лёгкий обруч с восемью датчиками, которые считывали электрическую активность мозга. Виктор подключил обруч к компьютеру и запустил программу. На экране появилась диаграмма — линии, бегущие слева направо, синусоиды, обозначающие альфа-, бета- и гамма-ритмы.

— Посмотрите, пожалуйста, на экран, — сказал Виктор. — Сейчас будут появляться изображения. Просто смотрите. Не нужно ничего говорить или делать.

На экране сменяли друг друга картинки: нейтральные лица, пейзажи, сцены насилия, эротические изображения, абстрактные узоры. Нейросканирование измеряло реакцию мозга на стимулы — амплитуду, задержку, симметрию полушарий. Программа обрабатывала данные в реальном времени и выдавала предварительную оценку.

Виктор смотрел на линии. Они были почти идеально ровными. Никаких всплесков при сценах насилия — Верещагин либо был крайне устойчив, либо хорошо контролировал эмоции. Никакой асимметрии. Только на абстрактных узорах — лёгкое ускорение гамма-ритма.

"Художник, — подумал Виктор. — Мозг привык обрабатывать визуальную информацию. Это не симптом, это профессиональная деформация".

— Хорошо, — сказал он, когда сканирование закончилось. — Теперь тест Роршаха.

Он достал из ящика стола набор карточек — десять стандартных чернильных пятен, пять чёрно-белых, две чёрно-красные, три цветные. Классика. Виктор знал Роршаха так хорошо, что мог предсказать ответы клиента ещё до того, как тот открывал рот. Но протокол требовал полной процедуры.

— Что вы видите на этом изображении? — спросил он, показывая первую карточку.

Верещагин наклонил голову, изучая пятно.

— Летучую мышь. Или мотылька. С разорванными крыльями.

— Почему разорванными?

— Потому что пятно асимметричное. Левое крыло больше правого. Как будто кто-то оторвал кусок.

Виктор записал: "Летучая мышь с повреждениями — возможная проекция травмы, чувство уязвимости".

Он показал вторую карточку. Чёрно-красную.

— Два клоуна. Они танцуют. Или дерутся. Непонятно.

— Что делает эту сцену неопределённой?

— Они улыбаются, но красные пятна похожи на кровь. Или на красные носы. Непонятно.

Виктор записал: "Амбивалентность восприятия — способность видеть обе стороны ситуации. Не патология, но может указывать на когнитивную сложность".

Третья карточка. Цветная.

— Это... — Верещагин замолчал на долгую секунду. — Это женщина. Она лежит. Или падает. Её тело — это розовое пятно, а ноги — оранжевые. Она будто растворяется.

— Растворяется?

— Да. Её контуры нечёткие. Она есть, но её как бы нет.

Виктор записал: "Растворение идентичности, экзистенциальная тревога. Субъективное ощущение потери себя".

Он продолжил показывать карточки, отмечая ответы, интонации, паузы. Верещагин был откровенен — это было видно по отсутствию защитных механизмов в речи. Он не пытался "правильно" ответить, не спрашивал, что хочет услышать оценщик. Он просто смотрел на пятна и говорил то, что видел.

Редкое качество. И опасное в системе, где "правильный" ответ — это средний ответ.

— Спасибо, Артём Сергеевич, — сказал Виктор, убирая карточки. — Теперь короткое интервью. Я задам несколько вопросов, вы отвечаете. Просто и честно. Никаких ловушек.

— Звучит как ловушка, — усмехнулся Верещагин, но в его глазах не было злобы. Усталость была. Глубокая, застарелая, та, что появляется, когда приходится доказывать свою нормальность людям, которые заранее решили, что ты ненормален.

— Расскажите о вашем детстве, — начал Виктор. — Среду обитания, отношения с родителями.

— Отец ушёл, когда мне было пять. Мать работала на заводе, воспитывала меня одна. Мы жили в общежитии до моих двенадцати, потом получили квартиру. Мать умерла десять лет назад — рак.

— Выраженные травматические события?

— Я бы не назвал это травмой. Это была жизнь. У многих было хуже.

— Ваше отношение к социальным нормам и правилам?

— Я их уважаю. Пока они разумны. Если правило запрещает людям убивать друг друга — я за. Если правило запрещает мне рисовать то, что я хочу — я против.

— Конфликты с законом были?

— Никогда.

— Употребление психоактивных веществ?

— Пиво по пятницам. Иногда вино.

— Галлюцинации, навязчивые мысли, суицидальные идеации?

— Нет. Нет. И нет.

Виктор задавал вопросы ровным голосом, не меняя интонации. Он смотрел не в глаза Верещагину, а чуть выше переносицы — техника, которая не давила на клиента, но позволяла заметить микровыражения лица. Верещагин не отводил взгляд. Он отвечал чётко, без запятых, без "ну", "типа", "как бы". Человек, который знает, кто он есть, и не боится этого показывать.

ИПН 68. Нижняя граница нормы. На грани, но в пределах.

Виктор посмотрел на экран компьютера. Программа уже обработала данные нейросканирования и тестов. Предварительный результат: ИПН 71. С корректировкой на профессиональные особенности (художник — повышенная визуальная чувствительность) — ИПН 73.

Он мог оставить 68. Формально это не требовало вмешательства. Но запрос на переоценку означал, что кто-то ждёт понижения. Если Виктор оставит всё как есть, запрос вернётся к нему через месяц, уже с пометкой "повторный" и более жёсткими рекомендациями.

Он вздохнул и подвинул мышку.

Результат: ИПН 71. Коррекция: в пределах допустимого отклонения. Рекомендации: амбулаторное наблюдение, факультативная терапия.

Он нажал "Сохранить".

— Всё, Артём Сергеевич. Оценка завершена.

— И? — Верещагин подался вперёд. — Что мне теперь? Лечение? Таблетки? Центр?

— Ничего из этого, — сказал Виктор, закрывая файл. — Ваш показатель в пределах нормы. Вы можете продолжать работать. Рекомендую раз в месяц посещать терапевта по месту жительства для контроля, но это формальность.

Верещагин посмотрел на него с недоверием. Потом медленно кивнул.

— Спасибо, — сказал он, и в этом "спасибо" было больше удивления, чем благодарности.

Он ушёл. Виктор остался один. Он смотрел на закрытую дверь и думал: "Я защищаю общество от хаоса". Эту фразу он повторял себе каждое утро перед началом приёма. Она была как мантра — простая, понятная, успокаивающая.

Но сегодня она звучала иначе.

Сегодня она звучала как вопрос.

Вторая клиентка, Лариса Петровна Соколова, пришла с опозданием на десять минут — запыхавшаяся, с красными глазами, в пальто, которое явно видело лучшие дни. Она извинялась, говорила, что не могла найти парковку, что автобусы ходят ужасно, что она вообще не планировала сегодня приезжать, но повестка пришла, и если не явиться — штраф, а у неё нет денег на штраф, она вообще без работы уже три месяца, и всё валится из рук...

— Лариса Петровна, — мягко остановил её Виктор. — Дышите. Вы здесь. Всё в порядке. Садитесь.

Она села и разрыдалась.

Виктор ждал. Он не протягивал салфетки, не хлопал по плечу — он просто ждал, давая ей пространство для эмоций. Через две минуты она успокоилась, вытерла глаза рукавом и посмотрела на него с вызовом.

— Извините. Я не собиралась...

— Не извиняйтесь. Плакать — это нормально. Это здоровая реакция на стресс.

— Моя мать говорит, что я раскисаю. Что нужно взять себя в руки. Что в мои годы...

— Сколько лет вашей матери?

— Шестьдесят семь.

— Она выросла в другое время. Другие стандарты. Не сравнивайте себя.

Лариса Петровна — Соколова — всхлипнула и кивнула. Она была худая, почти прозрачная, с тёмными кругами под глазами, которые не скрывал даже толстый слой корректора. Тридцать один год. Сокращена с должности бухгалтера в частной фирме четыре месяца назад. Муж ушёл через месяц после сокращения. Ребёнок — семь лет, живёт с матерью Ларисы.

— Я не спала трое суток, — сказала она. — Я боюсь закрывать глаза. Как только я закрываю глаза, я вижу... ничего. Пустоту. И мне кажется, что я падаю в эту пустоту, и никогда не останавлиюсь.

— Вы обращались к врачу?

— У меня нет страховки. После сокращения — только базовая. К психологу по базовой — запись на три месяца вперёд.

— А к психиатру?

— Боюсь. Если поставят на учёт — меня никуда не возьмут. Я и так уже полгода рассылаю резюме, меня не берут. Узнают, что я была у психиатра — вообще шансов не будет.

Виктор понимал. Система была построена на прозрачности: каждый шаг пациента фиксировался в единой базе данных. Посещение психиатра автоматически ставило отметку в "медицинском профиле" гражданина, который был доступен работодателям при найме. Формально они не имели права дискриминировать по медицинским показаниям. Формально.

Виктор провёл нейросканирование. Результаты были ожидаемыми: повышенная активность миндалевидного тела — тревога, сниженная активность префронтальной коры — угнетение когнитивных функций. Классическая депрессия средней тяжести, осложнённая стрессовым расстройством.

ИПН: 65.

"Без терапии будет ухудшение, — подумал Виктор. — Через полгода — 50, через год — 35. А потом — Центр коррекции".

Он посмотрел на Соколову. Она сидела, сжавшись в кресле, как будто пыталась стать маленькой, незаметной, как будто надеялась, что если она станет достаточно маленькой, система перестанет на неё обращать внимание.

— Я направлю вас на амбулаторную терапию, — сказал Виктор. — Программа "Восстановление" — двенадцать сессий, когнитивно-поведенческая терапия, без медикаментов. Ваш ИПН позволяет.

— Меня поставят на учёт?

— Нет. Это факультативно. Добровольное обращение.

— А работа? Если узнают...

— Никто не узнает. База данных therapy — закрытый доступ. Только я и ваш терапевт. Соколова выдохнула. Плечи опустились.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо вам огромное.

— Не за что. Это моя работа.

Она ушла, оставив после себя запах дешёвых духов и страха. Виктор ещё несколько минут смотрел на экран, на её файл, на цифру "65", и думал о том, как быстро система превращает живого человека в статистику.

ИПН 65 — тревожно-депрессивное расстройство.

ИПН 52 — асоциальные тенденции.

ИПН 44 — нуждается в изоляции.

ИПН 39 — опасен для общества.

Цифры. Просто цифры. Но за каждой цифрой стояла жизнь, которая больше никогда не будет прежней.

Виктор закрыл файл Соколовой и открыл следующий.

Руднев Максим Андреевич, 38 лет. Журналист, издание "Гласность". ИПН 52. Запрос на понижение до 40 по "рекомендации" пресс-службы администрации города.

Виктор прочитал запрос трижды. Формально он был оформлен правильно — подан через департамент занятости, подписан руководителем, обоснован "повторяющимися случаями дестабилизирующих публикаций". Но Виктор знал Максима Руднева. Точнее, знал его статьи.

Шесть месяцев назад Руднев опубликовал серию материалов о застройке городского парка — о том, как строительная компания, связанная с вице-мэром, получила землю по цене в три раза ниже рыночной. Через месяц компания обанкротилась, земля продана другому застройщику, а на месте парка начали строить жилой комплекс. Руднев продолжал писать — о махинациях, о коррупции, о том, что "система оценки психического здоровья используется для подавления критически мыслящих граждан".

Последняя статья вышла две недели назад. ИПН Руднева до статьи был 64 — ниже среднего, но в норме. Через три дня после публикации ему назначили повторную оценку. Результат — 52. Направление на терапию. Теперь — запрос на понижение.

Виктор знал, что это значит. Он работал в Комиссии достаточно долго, чтобы научиться читать между строк. "Рекомендация" сверху означала, что кто-то на политическом уровне решил, что Руднев — угроза. И система послушно обрабатывала запрос, как хорошо отлаженный механизм: пресса — цитаты — запрос — оценка — понижение — терапия — тишина.

Человек, который не давал спать чиновникам, постепенно исчезал. Закона о цензуре не было — была забота о психическом здоровье нации.

Виктор потёр лицо руками. Он чувствовал знакомую тяжесть в груди — смесь раздражения и бессилия, которая накатывала каждый раз, когда он сталкивался с "управляемыми" случаями. Он мог завершить оценку, дать заключение, подписать документы — и через месяц Руднев оказался бы в Центре коррекции с ИПН 35, без права на обжалование.

Или он мог отказаться.

Отказ означал бы комиссию. Разбирательство. Возможно, понижение самого Виктора — с "золотого" до "серебряного" доступа, с соответствующими последствиями для зарплаты, статуса, положения семьи. Ольга бы не поняла. Кира... Кира бы, наверное, гордилась.

— Я следую протоколу, — сказал Виктор вслух.

Слова повисли в воздухе, как пар от дыхания на морозе. Они звучали неубедительно, даже для него самого.

Он открыл файл Руднева и начал писать заключение.

"Обследуемый демонстрирует признаки оппозиционно-вызывающего расстройства (F91.3 по МКБ). Рекомендовано: понижение ИПН до 40, амбулаторно-принудительная терапия сроком на 6 месяцев, ограничение профессиональной деятельности в сфере массовых коммуникаций."

Он нажал "Сохранить".

Палец завис над кнопкой "Отправить".

Виктор смотрел на красную иконку, и ему казалось, что она пульсирует в такт сердцу. Одно нажатие — и жизнь человека изменится навсегда. Или не изменится — если он не отправит.

— Чёрт, — сказал Виктор тихо.

Он отодвинул клавиатуру и встал. Подошёл к окну. Город под серым небом: машины ползли по проспекту, люди спешили к остановкам, дворники сметали листву с тротуаров. Нормальная жизнь. Мир, в котором всё было на своих местах.

Кроме того, что ничто не было на своих местах.

Виктор посмотрел на шпиль Центра коррекции на горизонте. Там, за стенами из серого бетона, находились люди с ИПН ниже 50. Их лечили, перевоспитывали, адаптировали. Формально — возвращали к норме. Фактически — вычищали из общества тех, кто не вписывался.

Он сам участвовал в разработке методики расчёта ИПН. Пятнадцать лет назад, после серии терактов и массовых расстройств, когда страна была на грани хаоса. Закон о психическом здоровье нации приняли в рекордные сроки — три чтения за месяц, подписи, печати, вступление в силу. Виктор был молодым аспирантом, специалистом по психодиагностике, когда его пригласили в рабочую группу.

Он помнил те дни: бессонные ночи, споры, расчёты. Они создавали систему, которая должна была защитить общество от повторения трагедий. Они верили, что ИПН — это инструмент спасения. Что оценка психического здоровья позволит выявлять потенциально опасных людей до того, как они совершат преступление. Что терапия и коррекция помогут им вернуться к нормальной жизни.

Они верили.

А теперь Виктор смотрел на шпиль Центра коррекции и думал: "Что, если мы создали не защиту, а тюрьму?"

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Виктор, не оборачиваясь.

— Виктор, у вас всё в порядке?

Голос принадлежал Марине Светловой, его коллеге. Она стояла в дверях — высокая, с идеально прямой осанкой, в строгом тёмно-синем костюме, с короткой стрижкой и острым взглядом, который, казалось, видел насквозь. Марина была на десять лет моложе Виктора, но уже занимала должность заместителя начальника отдела оценки. Амбициозная, жёсткая, эффективная — она воплощала всё, чем Виктор когда-то восхищался в системе и чего теперь боялся.

— Всё в порядке, — ответил Виктор, поворачиваясь. — Просто задумался.

— О делах?

— О жизни.

Марина хмыкнула. Она подошла к его столу, мельком взглянула на экран, но ничего не сказала.

— У тебя третий приём через пять минут, — напомнила она. — По делу несовершеннолетнего.

— Да, я знаю. Коля Смирнов, 10 лет, ИПН 44.

— Серьёзный случай, — сказала Марина, и её голос стал чуть мягче. — Жалко мальчишку.

— Жалко, — согласился Виктор.

— Но протокол есть протокол.

— Да.

Марина посмотрела на него с непонятым выражением — смесью сочувствия и предупреждения.

— Будь осторожен, Виктор. Ты хороший специалист. Не позволяй эмоциям влиять на работу.

— Я никогда не позволяю.

— Знаю. Но сегодня ты выглядишь... иначе.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. Виктор слышал, как её каблучки стучат по коридору — ритмично, уверенно, как метроном. У Марины не было сомнений. Она знала, что делает, и делала это хорошо. Виктор завидовал её уверенности — и боялся её отсутствия сомнений.

Он вернулся к компьютеру. Посмотрел на открытый файл Руднева. Кнопка "Отправить" всё ещё ждала.

Виктор нажал "Отложить".

Потом открыл файл Соколовой и проверил, что направление на терапию оформлено правильно. Добавил примечание: "Рекомендовано социальное сопровождение — помощь в трудоустройстве". Это не входило в его обязанности, но могло помочь. Если система не убьёт Ларису Петровну Соколову бюрократией, у неё был шанс.

Он закрыл программу и встал.

Третий приём. Коля Смирнов, 10 лет, ИПН 44.

Аутистический спектр.

Виктор открыл дверь кабинета и вышел в коридор. В приёмной сидела женщина — бледная, с трясущимися руками, прижимающая к себе мальчика в жёлтой куртке. У мальчика были наушники — большие, закрывающие уши, и он раскачивался вперёд-назад, глядя в одну точку на полу.

— Здравствуйте, — сказал Виктор. — Вы — мама Коли?

Женщина подняла глаза. В них было отчаяние — чистое, абсолютное, неразбавленное.

— Да. Я... я готова отвечать на вопросы.

— Пройдёмте в кабинет.

Мальчик не поднял головы. Он продолжал раскачиваться, и его губы шевелились — он что-то бормотал, беззвучно, как молитву.

Виктор смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается волна — тёплая, тяжёлая, почти забытая. Он не знал, как это назвать. Может быть, жалость. Может быть, гнев.

Может быть, начало конца.

Глава 2. Анамнез системы

Коля Смирнов вошёл в кабинет, не поднимая головы. Ему было десять лет, но выглядел он младше — мелкий, хрупкий, с руками, спрятанными в рукава жёлтой куртки, которую мать так и не смогла уговорить его снять. Наушники сидели плотно, почти вращаясь в череп, и Виктор знал: если предложить их снять, мальчик начнёт кричать.

— Присаживайтесь, — сказал Виктор, указывая на стулья.

Мать — Анна Сергеевна Смирнова — села на край стула, не отпуская руку сына. Коля остался стоять, продолжая раскачиваться. Его глаза были закрыты, губы шевелились беззвучно.

— Он всегда так? — спросил Виктор.

— Когда нервничает. А нервничает он почти всегда. Особенно в новых местах.

— Вы рассказали ему, зачем мы здесь?

Анна отвернулась. Её голос дрогнул:

— Я сказала, что мы идём к доброму дяде, который хочет помочь.

Виктор кивнул. Он открыл файл и пробежал глазами по анкете, заполненной матерью накануне. Ручкой, каллиграфическим почерком — она явно старалась, выводила каждую букву, как будто от аккуратности заполнения зависела судьба сына.

Смирнов Николай Алексеевич, 10 лет. Диагноз: расстройство аутистического спектра (F84.0), лёгкая форма. Наблюдается у невролога с 4 лет. Посещает коррекционную школу, 3-й класс. Успеваемость: математика — отлично, чтение — удовлетворительно, социальные навыки — ниже возрастной нормы. ИПН первичный (7 лет): 55. ИПН текущий: 44.

Сорок четыре. За три года — падение на одиннадцать пунктов. Такого не должно было случиться, если бы ребёнок получал адекватную поддержку. Падение означало одно: система не работала. Или работала — но против ребёнка.

— Анна Сергеевна, расскажите, что изменилось за последний год, — попросил Виктор.

Женщина сглотнула. Она была лет тридцати пяти, с ранними морщинами и седыми прядями, которые она не крашшила — то ли не было времени, то ли денег. Её пальцы теребили край кофты, как чётки.

— Его перевели в обычную школу. В прошлом году. Сказали, что коррекционная школа — это "изоляция" и что ребёнку нужно "вливаться в социум". Мы не хотели. Мы говорили, что ему нужна особая среда. Но комиссия настояла. Сказали, что если мы откажемся — ИПН будет понижен автоматически для "стимуляции адаптации".

— И как он адаптировался?

— Плохо. Очень плохо. Его обижали. Дразнили. Один мальчик... один мальчик натянул ему пакет на голову на перемене. Учительница сказала, что это "детские шалости". Коля перестал разговаривать. Не ел в школе. Начал мочиться в постель. Мы ходили к психологу — та сказала, что он "ленится адаптироваться".

Виктор слушал, не перебивая. Он делал пометки в файле, но на самом деле запоминал каждое слово, каждую интонацию. Он видел этот сценарий десятки раз — ребёнок с аутистическим спектром, которого система "нормализует", впахивая в среду, где его травят, и потом удивляется, что его показатели падают.

— Вы обращались с жалобой? — спросил он.

— Да. В департамент образования. Мне ответили через два месяца: "Нарушений не выявлено, рекомендовано обратиться к школьному психологу". Школьный психолог сказала, что Коля "недостаточно мотивирован на социализацию".

— Недостаточно мотивирован, — повторил Виктор.

— Да. И теперь... теперь мне сказали, что если ИПН упадёт ниже 40 — его отправят в Центр коррекции. Что он "опасен для себя и окружающих". Что я — мать — не справляюсь.

Она заплакала. Тихо, почти беззвучно, только плечи вздрагивали. Коля не заметил — он был в своём мире, где не было пакетов на голове, учительниц, которые называют травлю "шалостями", и системы, которая оценивает детей по цифрам.

Виктор подался вперёд.

— Анна Сергеевна. Я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Моя задача — не наказать вас или Колю. Моя задача — оценить ситуацию и предложить решение, которое будет лучшим для ребёнка.

— Вы отправите его в Центр? — спросила она шёпотом.

— Не сегодня. И не завтра. Но мне нужно провести полную процедуру, чтобы у меня были аргументы в вашу пользу.

Она посмотрела на него с надеждой — такой отчаянной, что Виктору стало физически больно.

— Вы можете?

— Я сделаю всё, что в моих силах.

Нейросканирование Коли Смирнова было трудным. Мальчик не хотел надевать обруч — дёргался, пытался снять его, издавал гортанные звуки, похожие на скулёж. Анна держала его за руку, шептала что-то успокаивающее. Виктор ждал.

Через десять минут Коля позволил надеть обруч. Сканирование показало то, что Виктор ожидал: повышенная активность сенсорных зон, пониженная — социальных. Типичная картина для аутистического спектра. Не патология — особенность. Но система интерпретировала это как отклонение.

Проективные тесты Виктор решил не проводить — Роршах требовал вербальных ответов, которые Коля просто не мог дать в состоянии стресса. Вместо этого он использовал рисуночные методики.

— Коля, — сказал Виктор мягко, — нарисуй, пожалуйста, что ты чувствуешь, когда идёшь в школу.

Он положил перед мальчиком чистый лист бумаги и набор карандашей. Коля посмотрел на лист, потом на карандаши, потом снова на лист. Его рука медленно потянулась к синему карандашу.

Он рисовал пятнадцать минут. Виктор и Анна молчали, наблюдая, как на бумаге появляется картина: клетка. Большая, прямоугольная, нарисованная чёрным карандашом. Внутри клетки — маленькая фигура, тоже синяя, с большими наушниками на голове. Снаружи клетки — красные точки, похожие на глаза. Много глаз. Они смотрели на фигуру из темноты.

— Это ты? — спросил Виктор.

Коля кивнул, не поднимая головы.

— А красные точки?

— Они смотрят, — прошептал мальчик. — Они всегда смотрят. Хотят, чтобы я был как они. Но я не могу.

— Не можешь быть как они?

— Не хочу.

Виктор смотрел на рисунок и чувствовал, как в груди закипает знакомое чувство. Он знал его — это был стыд. За систему, которая создаёт клетки для детей, которые просто не хотят быть "как все".

— Спасибо, Коля, — сказал он. — Ты очень хорошо нарисовал.

Мальчик поднял голову. Впервые за всё время он посмотрел Виктору в глаза — на секунду, всего на секунду, но этого было достаточно. В этом взгляде было что-то древнее, мудрое, то, что невозможно измерить шкалой ИПН.

— Вы тоже в клетке, — сказал Коля.

И снова опустил голову.

Виктор замер.

— Что ты имеешь в виду?

Но Коля больше не ответил. Он вернулся в свой мир — раскачивался, бормотал, рисовал пальцем линии на столе.

Анна посмотрела на Виктора с недоумением.

— Он иногда говорит странные вещи. Не обращайтесь внимания.

— Нет, — сказал Виктор медленно. — Он прав.

Он подписал заключение по Коле Смирнову только через час, после того как отпустил мать с сыном с рекомендацией вернуться через три дня для повторной консультации. Официальный результат: ИПН 44 — подтверждён. Рекомендации: индивидуальное обучение на дому, интенсивная терапия, социальное сопровождение.

Фактически Виктор сделал то, что мог: он не понизил ИПН, но и не дал оснований для отправки ребёнка в Центр коррекции. Он купил время. Недели. Месяцы. Может быть, год — если система не пересмотрит дело.

Он знал, что это недостаточно. Знал, что через год Коле снова назначат оценку — и, скорее всего, более жёсткую. Знал, что система не прощает тех, кто выбивается из нормы.

Но сегодня он сделал то, что мог.

Виктор вышел из здания Комиссии в шестом часу вечера. Город готовился к ночи: зажглись фонари, витрины магазинов светились тёплым жёлтым светом, люди спешили домой. Обычный вечер. Обычный город. Обычная жизнь.

Он сел в машину, но не завёл двигатель. Сидел, глядя на шпиль Центра коррекции, который теперь был подсвечен прожекторами — белыми, холодными, как свет в операционной.

Пятнадцать лет.

Пятнадцать лет назад он стоял в этом же месте — тогда ещё студентом, с дипломом в руках и идеями в голове, которые, казалось, могли изменить мир. Он помнил тот день с фотографической точностью: солнце, пробивающееся сквозь тучи, ветер, треплющий страницы доклада, запах озона после грозы.

Они собрались в конференц-зале Министерства здравоохранения — двенадцать человек, лучшие умы в области психиатрии, психологии, нейробиологии. Задача: создать методику, которая позволит оценить психическое здоровье населения и предотвратить повторение трагедий.

Трагедии. Он вспомнил новости тех лет: мужчина с диагнозом "шизофрения" ворвался в торговый центр с ножом, 23 погибших. Подросток с тяжёлой депрессией принёс в школу самодельную бомбу. Женщина с послеродовым психозом выбросила троих детей из окна. Каждое событие — в заголовках, в телевизоре, в умах. Страх. Паника. Требование: "Сделайте что-нибудь!"

И они сделали.

Виктор закрыл глаза и перенёсся в прошлое.

15 лет назад. Конференц-зал Министерства здравоохранения.

— Индекс Психической Нормы, — произнёс профессор Громов, глава рабочей группы. — Три компонента: нейрофизиологический (результаты сканирования), когнитивно-поведенческий (тесты и интервью), социальный (анамнез, среда, триггеры). Каждый компонент — шкала от 0 до 100. Итоговый показатель — среднее арифметическое.

Виктор, которому тогда было двадцать семь, сидел в конце стола, сжимая ручку так, что побелели костяшки. Он был самым младшим в группе — недавний аспирант, специалист по психодиагностике, приглашённый как "эксперт по проективным методикам". Ему казалось, что он попал на Олимп, где боги решают судьбы человечества.

— А что считать нормой? — спросил он.

Профессор Громов повернулся к нему. Он был старым — под семьдесят, с седой бородой и глазами, которые видели слишком много. Но в них горел огонь, который не гас.

— Вы задаёте правильный вопрос, молодой человек. Норма — это статистическое понятие. Среднее значение плюс стандартное отклонение. Но для практических целей мы предлагаем установить границу на уровне 70 баллов. Всё, что ниже — требует внимания, вмешательства, коррекции.

— А выше 100? — спросил кто-то из коллег. — Сверхнорма?

— Выше 100 — это артефакт. Человек не может быть "слишком здоровым". Потолок шкалы — 100, но практически достижимый максимум — 95-97 для гармонично развитой личности.

Виктор записывал каждое слово. Ему казалось, что он участвует в создании чего-то великого — системы, которая спасёт тысячи жизней. Он верил в это так искренне, что не замечал тревожных сигналов.

Он не замечал, как профессор Громов отклонял предложения включить в методику пункты о защите прав пациентов.

Он не замечал, как представители силовых структур настаивали на "расширенных полномочиях" Комиссии.

Он не замечал, как из финального отчёта исчезли слова "добровольность" и "согласие".

Он был молод. Он был увлечён. Он был слеп.

— У нас будет три зоны, — продолжал Громов, переключая слайд. — Зелёная — ИПН 70-100, норма, наблюдение не требуется. Жёлтая — ИПН 50-69, пограничное состояние, рекомендована терапия. Красная — ИПН ниже 50, требуется изоляция и коррекция.

— А кто будет определять границы? — спросил Виктор.

— Мы, — улыбнулся Громов. — И те, кто придёт после нас. Система должна быть гибкой, адаптивной. С развитием технологий и накоплением данных границы могут смещаться.

— А если они сместятся не в ту сторону?

Громов посмотрел на него с интересом.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, — Виктор замялся, — если границу нормы поднимут до 80, половина населения окажется "пограничной". А если опустят до 60 — мы пропустим тех, кто нуждается в помощи.

— В том и заключается ответственность учёных, — сказал Громов. — Мы создаём инструмент. Как его используют — зависит от общества.

Эти слова Виктор запомнил на всю жизнь. Он тогда не понял, что они значат. Он думал, что профессор говорит о научной ответственности, о важности объективности.

Только много лет спустя он осознал: Громов просто перекладывал ответственность на "общество", то есть — ни на кого. Создатели системы умывали руки, пуская инструмент в свободное плавание. А инструмент, как известно, не имеет совести.

— Коллеги, — Громов поднял руку, привлекая внимание. — Я хочу представить вам нашего самого молодого специалиста — Виктора Лаврентьева. Именно он разработал алгоритм интеграции проективных тестов в общую шкалу ИПН.

Все повернулись. Виктор почувствовал, как краснеет.

— Я... я просто доработал существующие методики. Адаптировал Роршаха и ТАТ для количественной оценки.

— Скромность украшает, — усмехнулся Громов. — Но факт остаётся фактом: ваш модуль — один из ключевых. Именно он позволяет выявлять скрытые расстройства, которые не видит нейросканирование.

Виктору аплодировали. Он чувствовал гордость — чистую, не замутнённую сомнениями. Ему было двадцать семь, и он создавал будущее.

Он не знал тогда, что его модуль будет использоваться для "выявления скрытых расстройств" у журналистов, писавших о коррупции. Что его алгоритм будет "адаптирован" для оценки детей с аутистическим спектром. Что его имя будет стоять под заключениями, отправляющими людей в Центры коррекции.

Он не знал. Или не хотел знать.

Настоящее время. Машина, вечер.

Виктор открыл глаза. Ветровое стекло запотело. Он включил обогрев и посмотрел на часы: 18:42. Ольга, наверное, уже волнуется. Кира готовит ужин? Нет, у неё сегодня рисование — она, скорее всего, заперлась в комнате и не выйдет до полуночи.

Он завёл двигатель и выехал с парковки.

Дорога до дома заняла двадцать минут — обычный маршрут, который Виктор знал наизусть: проспект Победы, площадь Независимости, проспект Мира. Названия улиц напоминали о ценностях, которые система провозглашала, но которые становились всё более эфемерными.

Победа. Независимость. Мир.

Ценности, ради которых создавался ИПН. И ценности, которые ИПН же уничтожал.

Он припарковался у дома, заглушил мотор. Перед тем как выйти, задержался на секунду, глядя на отражение в зеркале заднего вида. Мужчина с сединой на висках, с глазами, которые научились видеть правду, и с руками, которые отправляли людей в клетки.

"Я защищаю общество от хаоса", — сказал он своему отражению.

Отражение не ответило.

Дома пахло жареным луком — Ольга готовила ужин. Из комнаты Киры доносилась музыка — что-то тяжёлое, с агрессивными гитарными риффами. Металл. Ольга терпеть не могла этот жанр, но Кира включала его каждый вечер, и они заключили молчаливое перемирие: мать не жалуется на шум, дочь не жалуется на еду.

— Я дома, — сказал Виктор, снимая пальто.

— Проходи, — отозвалась Ольга из кухни. — Ужин через десять минут.

Он заглянул к ней. Она стояла у плиты в фартуке — клетчатом, старом, который она купила ещё до замужества. Рукава закатаны, волосы собраны в небрежный пучок. Она помещивала что-то в сковородке, и пар поднимался к вытяжке.

— Как дела? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нормально.

— Коротко и ясно.

— Длинная история.

Она обернулась, посмотрела на него с выражением, которое он знал слишком хорошо. Смесь любопытства и тревоги.

— Ты расскажешь?

— Не сейчас. Давай поужинаем сначала.

Она кивнула. Она никогда не давила — это было одним из качеств, которые Виктор ценил в ней больше всего. Ольга умела ждать. Умела слушать, когда он был готов говорить. Но в последнее время он говорил всё реже.

Ужин прошёл в молчании. Кира вышла из комнаты только когда Ольга постучала трижды — сигнал "еда стынет". Села за стол, наложила себе еды, съела половину и ушла, не сказав ни слова.

Виктор смотрел, как она уходит: узкие плечи, опущенная голова, тёмные волосы, закрывающие лицо. Она была красивой девочкой — все это говорили. Но в последнее время в её красоте появилась что-то тревожное: слишком бледная кожа, слишком тёмные круги под глазами, слишком отстранённый взгляд.

— Она снова рисовала всю ночь? — спросил Виктор.

— До трёх, — ответила Ольга, убирая тарелки. — Я заходила в два, она сидела за столом, раскрашивала что-то красным.

— Что именно?

— Не знаю. Она закрыла, когда я вошла.

Виктор помолчал. Потом встал и подошёл к двери комнаты Киры. Постучал.

— Кира? Можно войти?

— Нет, — раздалось из-за двери.

— Я хочу поговорить.

— Я занята.

— Кира, пожалуйста.

Тишина. Потом звук отодвигаемого стула, шаги, щелчок замка. Дверь приоткрылась на ширину лица. Кира смотрела на него одним глазом — тёмным, настороженным, как у дикого зверя.

— Что?

— Как прошёл день?

— Нормально.

— В школе всё в порядке?

— Всё в порядке.

— Ты рисуешь?

— Да.

— Покажешь?

— Нет.

Короткие ответы. Рубленные, как удары. Виктор чувствовал, что теряет контакт — с каждым днём, с каждым разговором стена между ними становилась толще.

— Кира, я волнуюсь за тебя.

— Не надо.

— Ты моя дочь. Я не могу не волноваться.

— Может, тебе стоит оценить меня? — усмехнулась она. — Составить протокол. Выдать ИПН. Я бы хотела знать, насколько я ненормальная.

— Кира...

— Спокойной ночи, пап.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Виктор стоял в коридоре, глядя на дверь, за которой его дочь превращалась в незнакомку. Он хотел постучать снова, сказать что-то важное, найти слова, которые пробьют эту стену. Но слова не приходили.

Он вернулся на кухню. Ольга мыла посуду, не оборачиваясь.

— Ты слышала?

— Да.

— Она злится на меня.

— Она злится на весь мир. Но на тебя — особенно.

— Почему?

Ольга выключила воду, вытерла руки полотенцем и повернулась. Её глаза были красными.

— Потому что ты — лицо системы, которую она ненавидит. Ты каждый день доказываешь, что люди — это цифры. А она — художница. Она видит мир иначе. И ты для неё — предатель.

— Я не предатель. Я защищаю...

— Я знаю, что ты защищаешь, — перебила Ольга. — Ты защищаешь общество. Я слышала это тысячу раз. Но, Виктор, иногда мне кажется, что ты забыл, кого именно ты защищаешь.

Она ушла в спальню, оставив его одного на кухне.

Виктор стоял у окна, глядя на ночной город. Огни горели в тысячах окон, и за каждым окном была своя история, своя боль, своя норма. И где-то там, за горизонтом, светился холодный белый шпиль Центра коррекции.

"Я защищаю общество от хаоса", — прошептал Виктор.

Но слова звучали пусто, как эхо в заброшенном доме.

Ночью Виктор не спал. Он лежал рядом с Ольгой, слушая её ровное дыхание, и смотрел на потолок, где тени от уличных фонарей рисовали причудливые узоры. Он думал о Коле Смирнове, который сказал, что он тоже в клетке. Он думал о Ларисе Соколовой, которая боялась закрывать глаза. О Максиме Рудневе, чья статья стояла ему свободы.

Он думал о том, что пятнадцать лет назад он строил клетку. А теперь оказался внутри.

В три часа ночи он встал, прошёл в кабинет и включил компьютер. Открыл архив — личные файлы, старые исследования, черновики методики ИПН. Он искал что-то, сам не зная что. Может быть, доказательство того, что всё было не зря. Может быть, ключ к выходу.

Он нашёл старую фотографию — рабочий момент, конференц-зал, двенадцать человек улыбаются в камеру. Профессор Громов в центре, с поднятым бокалом. Виктор — в углу, молодой, счастливый, с горящими глазами.

Он долго смотрел на своё лицо. На того человека, который верил, что создаёт спасение. — Прости, — сказал он фотографии. — Я не знал.

Фотография не ответила. Она просто улыбалась — застывшая во времени, застывшая в надежде, застывшая в неведении.

Виктор закрыл файл и выключил компьютер. В темноте кабинета было тихо, только часы тикали на стене, отсчитывая секунды, из которых складывались минуты, из которых складывались часы, из которых складывалась жизнь, которую он построил.

Жизнь, от которой он больше не знал, как убежать.

Утром всё повторится: будильник, Шопен, кофе с кардамоном, процедура оценки, клиенты, цифры, протоколы. Система не остановится, потому что система не умеет останавливаться.

Но что-то изменилось. Виктор чувствовал это — тонкую трещину в фундаменте своей веры. Она была почти незаметна, как волосок на стекле, но она была.

И он знал: трещина будет расти.

На следующий день Виктор пришёл на работу в 7:30, на полчаса раньше обычного. В коридорах было пусто, только уборщица мыла полы, напевая что-то под нос. Он прошёл в кабинет, включил компьютер и открыл почту.

Среди стандартных уведомлений — подтверждение отчётов, напоминания о совещаниях — было письмо. От адресата, которого Виктор не ожидал.

От: Светлова Марина Алексеевна Тема: Важно. Конфиденциально.

Он открыл письмо.

"Виктор,

Вчера я просматривала дела, которые вы вели за последнюю неделю. Обратила внимание на дело Руднева М.А. — вы отложили отправку заключения. Понимаю, что вы опытный специалист и принимаете решения самостоятельно, но позволю себе напомнить: затягивание процедуры может быть расценено как нарушение регламента.

Я не хочу создавать вам проблем. Но и не могу закрывать глаза на то, что выглядит как саботаж.

Давайте встретимся сегодня в обед. Я угощаю кофе.

Марина".

Виктор перечитал письмо дважды. Тон был дружеским, но подтекст ясным: "Я слежу за тобой. Не делай глупостей".

Он нажал "Ответить" и напечатал: "Спасибо за заботу. В 13:00 у меня окно. Встретимся в кафетерии на первом этаже. В."

Отправил.

Потом открыл дело Руднева и посмотрел на статус: "Отложено. Требуется подтверждение".

Он знал, что сегодня ему придётся принять решение. Отправить — или отказаться. И то, и другое имело последствия.

Марина Светлова не была его врагом. Она была его коллегой, его ученицей в какой-то степени — он учил её на старших курсах, когда она ещё была студенткой. Она была талантлива, умна, дисциплинирована. Она верила в систему так же, как когда-то верил он.

Но она не видела трещин. Или не хотела видеть.

Виктор закрыл почту и открыл расписание. Первый приём — в 8:00. Женщина, 45 лет, повторная оценка. ИПН 72 — пограничный.

Обычный день. Обычная работа.

Он встал, подошёл к окну. Город просыпался под серым небом, и шпиль Центра коррекции сиял на горизонте, как маяк, указывающий путь.

Только путь этот вёл не к спасению.

К клетке.

Глава 3. Трещины в фасаде

Утро пятницы началось с тишины.

Виктор проснулся в шесть, как обычно, но в доме было необычно тихо — даже Лира, голосовой ассистент, молчала, словно чувствуя настроение хозяина. Он полежал несколько минут, вслушиваясь: ни звона посуды из кухни, ни шагов Ольги, ни музыки из комнаты Киры. Только гул холодильника и далёкий шум города за окном.

Он встал, надел халат и вышел в коридор. Дверь в комнату Киры была приоткрыта — редкость. Она обычно запиралась, как в крепости, и выходила только по необходимости. Виктор заглянул внутрь.

Кира спала. Она лежала на спине, раскинув руки, и её лицо во сне выглядело беззащитным, детским — таким, каким он помнил её в пять лет, когда она боялась монстров под кроватью и он сидел с ней до тех пор, пока она не засыпала. Сейчас ей было шестнадцать, и монстры стали реальными: они жили в её голове, в её рисунках, в мире, который требовал от неё быть "нормальной".

На столе у окна горела лампа — она не выключила её перед сном. Свет падал на разбросанные листы бумаги, баночки с красками, кисти, засохшие на палитре. Виктор шагнул внутрь, стараясь не шуметь.

Он не хотел нарушать её сон. Но он хотел увидеть.

Рисунки лежали стопкой — штук двадцать, некоторые не закончены, некоторые измяты, будто их комкали, а потом разглаживали обратно. Виктор взял верхний.

Чёрно-белый портрет женщины. Она стояла спиной, обнажённая, и её спина была покрыта шрамами — аккуратными, симметричными, похожими на штрих-код. Каждый шрам был прорисован с пугающей детализацией. Внизу подпись карандашом: "Цена удобства".

Виктор положил лист и взял следующий.

Группа людей. У них были лица — но вместо черт лица пустые овалы, гладкие, как яйца. Каждый держал в руках табличку с числом. Кто-то — 71, кто-то — 84, 66, 92. Только один человек в углу, маленький, почти незаметный, держал табличку с вопросительным знаком.

Следующий рисунок заставил его замереть.

Клетка. Большая, чёрная, с толстыми прутьями. Внутри — девочка, очень похожая на Киру, с длинными волосами и большими глазами. Она сидела на корточках, обхватив колени руками, и смотрела на зрителя. Снаружи клетки стоял мужчина в костюме — его лицо было размытым, но Виктор узнал жест. Рука, протянутая к решётке, но не касающаяся её. Жест, который говорил: "Я хочу помочь, но не могу".

Или: "Я не хочу пачкать руки".

Внизу рисунка была надпись красным карандашом — всего одно слово, написанное крупными печатными буквами:

НОРМА

— Что ты здесь делаешь?

Виктор вздрогнул. Кира стояла у своей кровати — босиком, в длинной футболке, с расчёпанными волосами. Она смотрела на него с выражением, в котором смешались гнев и стыд.

— Я... зашёл проверить, не проснулась ли ты.

— Ты смотрел мои рисунки.

— Кира, я...

— Ты не имеешь права! — голос сорвался на крик. — Это мои вещи! Моя комната! Ты не можешь просто входить и копаться в моём!

Она подбежала к столу, схватила рисунки и прижала их к груди, как мать, защищающая ребёнка. Её глаза блестели — от злости или от слёз, Виктор не мог понять.

— Извини, — сказал он. — Ты права, я не должен был. Я просто... волнуюсь.

— Волнуешься? — Кира усмехнулась — горько, почти взрослой усмешкой. — Ты волнуешься, что я ненормальная. Что я не впишусь в твою дурацкую шкалу. Что я опозорю семью старшего психолога Комиссии.

— Это неправда.

— Правда. Я вижу, как ты смотришь на меня. Ты смотришь на меня как на клиента. Как на дело. Как на цифру.

Удар был точным. Виктор почувствовал, как слова дочери врезаются в него — острее, чем любое обвинение начальства или коллег. Потому что в них была правда.

— Кира, я люблю тебя. Ты моя дочь. И я хочу, чтобы у тебя было всё хорошо.

— "Хорошо" по твоим стандартам?

— По стандартам мира, в котором мы живём. Я не могу изменить этот мир. Но я могу защитить тебя от него.

— Я не хочу защиты, — сказала Кира тихо. — Я хочу, чтобы меня видели. Не оценивали. Не измеряли. Видели.

Она отвернулась и села на кровать, всё ещё прижимая рисунки к себе. Её плечи вздрагивали. Виктор хотел подойти, обнять её, как в детстве — когда она падала с велосипеда и он заклеивал разбитую коленку пластырем, рассказывая глупые шутки, чтобы отвлечь её от боли. Но теперь боль была не на коленке. Она была глубоко внутри, и пластырь не помог бы.

— Я люблю тебя, — повторил он.

— Я знаю, — ответила Кира, не поднимая головы. — Но этого недостаточно.

Ольга уже ушла в школу, когда Виктор вышел из комнаты Киры. На кухонном столе его ждала записка: "Ушла пораньше — педсовет. Ужин в холодильнике. О."

Он налил себе кофе, сел за стол и долго смотрел в окно. Осень в этом году была ранней и холодной — листья уже пожелтели, небо затянуло тучами, которые обещали дождь к обеду. Виктор любил осень раньше — за прозрачный воздух, за хруст листьев под ногами, за уютные вечера с книгами. Но сейчас осень казалась ему предвестником чего-то тёмного, что надвигалось неотвратимо, как холодный фронт с севера.

Он вспомнил лицо дочери: её глаза, полные гнева и боли. "Ты смотришь на меня как на клиента". Он хотел возразить, сказать, что это не так. Но где-то глубоко внутри он знал: она была права.

Каждый день он оценивал людей. Смотрел на них через призму протокола, искал отклонения, классифицировал, распределял по категориям. Это стало привычкой — второй натурой, от которой невозможно было избавиться, даже когда речь шла о собственной дочери.

Он смотрел на Киру и видел: замкнутость (шизоидные черты?), ночная активность (нарушение цикла сна?), агрессивные рисунки (сублимация агрессии?), избегание контакта (социофобия?).

Он смотрел на неё глазами оценщика. И ненавидел себя за это.

— Ты создал этот кошмар, — сказал он вслух и залпом допил кофе.

В Комиссии его ждал сюрприз.

— Виктор Павлович, — секретарша Ирина Петровна, женщина с вечно озабоченным лицом и идеально покрашенными губами, подняла голову от монитора. — Вас просил зайти начальник отдела. Срочно.

— Что-то случилось?

— Не знаю. Он сказал — как только появитесь.

Виктор кивнул и направился к лифту. Начальник отдела, Юрий Борисович Кузнецов, занимал кабинет на шестом этаже — самый большой, с панорамными окнами и кожаным диваном для посетителей. Виктор работал с ним двенадцать лет и знал его как человека жёсткого, но справедливого. Кузнецов не любил интриг и ценил профессионалов. Но в последнее время его лицо всё чаще выражало усталость — как у человека, который пытается удержать плотину, дающую трещины.

— Войдите, — раздалось на стук.

Кузнецов сидел за столом, заваленным бумагами. Ему было под шестьдесят, коренастый, с седыми усами и лысиной, которую он не пытался скрыть. На нём была рубашка с коротким рукавом — несмотря на прохладную погоду, в кабинете было жарко от работающего компьютера.

— Виктор, присаживайся.

Виктор сел. Кузнецов не предложил кофе — плохой знак.

— Я вызвал тебя по делу Руднева, — сказал Кузнецов без предисловий. — Ты отложил отправку заключения. У тебя есть причины?

— Есть, — сказал Виктор. — Я считаю, что запрос на понижение ИПН недостаточно обоснован.

— Недостаточно обоснован? — Кузнецов поднял бровь. — Запрос подан официально, подписан руководителем департамента, есть обоснование.

— Обоснование — "дестабилизирующие публикации". Это политическая формулировка, не клиническая. Если мы начнём понижать ИПН за содержание статей, мы превратим Комиссию в орган цензуры.

Кузнецов откинулся на спинку кресла и долго смотрел на Виктора. В его глазах было что-то странное: не гнев, не раздражение. Понимание.

— Ты прав, — сказал он тихо. — Формально ты прав.

— А неформально?

— Неформально это приказ. Сверху. Не я его придумал, не я его подписывал — но я обязан его выполнять. И ты тоже.

— Юрий Борисович, мы — психологи. Мы должны следовать этике, а не приказам.

— Этике? — Кузнецов усмехнулся — горько, как человек, который давно перестал верить в сказки. — Ты работаешь в Комиссии двенадцать лет. И до сих пор веришь, что этика — главное? Мы — винтики, Виктор. Винтики в машине. Если винтик начинает думать — машина его выбрасывает.

— Тогда, может, не стоит быть винтиком?

Кузнецов посмотрел на него с внезапной остротой.

— Ты хочешь уйти?

— Я хочу делать свою работу честно.

— Это одно и то же? — тихо спросил Кузнецов.

Виктор не ответил.

Они сидели в тишине, нарушаемой только гудением компьютера. За окном начался дождь — крупные капли бились о стекло, стекая вниз мутными дорожками.

— Делай, как считаешь нужным, — сказал наконец Кузнецов. — Но знай: если ты не отправишь заключение сегодня, завтра оно уйдёт с подписью Светловой. И тогда у тебя будут проблемы.

— Спасибо за предупреждение.

— Я не предупреждаю, — Кузнецов покачал головой. — Я прошу тебя подумать. Ты хороший специалист, Лаврентьев. Лучший в отделе. Не позволяй эмоциям разрушить твою карьеру.

— А если моя карьера уже разрушила мои эмоции?

Кузнецов не ответил. Он опустил глаза и начал перебирать бумаги — жест, который означал: разговор окончен.

Виктор встал и вышел. В коридоре он столкнулся с Мариной Светловой. Она стояла у окна, держа чашку кофе, и смотрела на дождь.

— Ну что? — спросила она, не оборачиваясь. — Поговорил с начальником?

— Поговорил.

— И что решил?

— Ещё не решил.

Она повернулась и посмотрела на него с сочувствием — искренним или притворным, Виктор не мог понять.

— Виктор, я понимаю тебя. Правда. Ты чувствуешь, что система несовершенна. Что у неё есть перекосы. Но, согласись, лучше система с перекосами, чем никакой системы вообще.

— Лучше для кого?

— Для всех. Для общества. Ты помнишь, что было до ИПН? Хаос. Терракты. Массовые убийства. Мы остановили это.

— Мы остановили это ценой свободы.

— Свобода — это роскошь, которую может позволить себе только здоровое общество, — сказала Марина с пугающей убежденностью. — А для здорового общества нужен контроль. Не жестокий. Просто... достаточный.

— Ты правда в это веришь?

Марина отпила кофе, не сводя с него глаз.

— Я верю в порядок. В то, что хаос разрушает всё, что мы построили. Я видела, что бывает, когда нет границ. Моя мать — наркоманка. Она умерла, когда мне было двенадцать. Она была "свободной". Свободной уколоться очередной дозой и сдохнуть на лестнице в подъезде.

Виктор молчал.

— Я не хочу повторять её путь, — сказала Марина. — И не хочу, чтобы кто-то другой его повторял. Если для этого нужны границы — пусть будут границы.

Они стояли друг напротив друга — двое психологов, которые смотрели на мир с разных сторон одной пропасти.

— Ты хороший человек, Виктор, — сказала Марина, допив кофе. — Но иногда ты слишком много думаешь. Просто делай свою работу. Это легче.

Она ушла, оставив его одного в коридоре. Дождь за окном усиливался.

Виктор вернулся в кабинет и открыл дело Руднева. Посмотрел на незаконченное заключение. Потом открыл ящик стола и достал старую фотографию — ту самую, с конференц-зала, где он стоял молодой и счастливый.

Он взял её в руки. Провёл пальцем по стеклу.

— Прости, — сказал он человеку на фотографии. — Я не оправдал твоих надежд.

Он положил фотографию в ящик лицом вниз.

И открыл пустой документ.

"Заключение по делу Руднева М.А. Отказать в понижении ИПН на основании отсутствия клинических показаний. Рекомендовано: амбулаторное наблюдение, факультативная терапия, сохранение профессиональной деятельности без ограничений."

Сохранил. Распечатал. Подписал.

Потом открыл дверь кабинета и пошёл к секретарше.

— Ирина Петровна, отправьте это начальнику отдела.

— Сегодня?

— Сейчас.

Он вернулся в кабинет и сел. Сердце билось быстрее обычного — не от страха, а от странного чувства, которое он не испытывал уже много лет.

Свободы.

Он сделал то, что считал правильным. Впервые за долгое время.

И он знал, что за это придётся заплатить.

Вечером того же дня Виктор сидел на кухне с бокалом вина, которого не пил. Ольга ушла к подруге — "девичник", как она сказала, но по голосу было слышно, что ей просто нужно было пространство. Кира заперлась в комнате и включила музыку на полную громкость — тяжёлые гитарные риффы сотрясали стены.

Виктор смотрел в окно, за которым шумел дождь, и думал о трещинах.

Трещина в отношениях с Кирой — она росла с каждым днём, с каждым несказанным словом.

Трещина в отношениях с Ольгой — она больше не смотрела на него как на героя, а как на соучастника.

Трещина в системе — он видел её каждый день, но раньше убеждал себя, что это просто тени, игра света.

А теперь трещина прошла через него самого.

"Вы тоже в клетке", — сказал мальчик Коля.

Кира сказала то же самое, только другими словами.

Виктор посмотрел на свои руки. Они дрожали — мелко, почти незаметно. Он не знал, от вина или от страха.

Телефон завибрировал. Сообщение от Кузнецова: "Заключение по Рудневу получено. Завтра в 9:00 совещание. Будьте готовы объяснить свою позицию. Кузнецов."

Виктор прочитал сообщение и не ответил. Он поставил бокал в раковину, выключил свет и пошёл в спальню.

Ольга ещё не вернулась. Кровать была пуста, холодна, пахла её духами — лавандой и чем-то сладким. Виктор лёг, не раздеваясь, и уставился в потолок.

Где-то в комнате Киры музыка стихла. Он слышал шаги — она ходила из угла в угол, как зверь в клетке.

"Вы тоже в клетке".

— Знаю, Коля, — прошептал Виктор в темноту. — Я знаю.

Он закрыл глаза и провалился в тяжёлый, без сновидений, сон — как в пропасть, из которой, может быть, не будет возврата.

Утро субботы. 9:00.

На совещание пришли четверо: Кузнецов, Марина Светлова, юрист Комиссии Сергей Павлович Трофимов — сухой, педантичный мужчина с тонкими губами и пенсне, которое он носил скорее для образа, чем для зрения, — и Виктор.

— Итак, — начал Кузнецов, — у нас проблема.

— Я не вижу проблемы, — сказал Виктор. — Я выполнил процедуру в соответствии с протоколом.

— Вы отказали в понижении ИПН, — вмешался Трофимов. — Несмотря на официальный запрос департамента.

— Официальный запрос не является клиническим основанием. Я несу ответственность за свои решения как специалист. Если я поставлю подпись под заключением, которое не соответствует данным оценки, это будет нарушением этики.

— Этики? — Трофимов поправил пенсне. — Вы работаете в государственной структуре. Здесь этика определяется законом, а не субъективными представлениями.

— Закон требует от меня следовать профессиональным стандартам. Я следую им.

— Господа, — Марина подняла руку, — может, мы успокоимся? Виктор, я понимаю твою позицию. Но ты должен понять и нашу. Департамент настаивает. Если мы не выполним их запрос, они обратятся в вышестоящую инстанцию, и нас просто обойдут.

— Пусть обходят, — сказал Виктор. — Я не поставлю подпись под ложным заключением. — Даже если это будет стоить тебе карьеры?

Виктор посмотрел на Марину. В её глазах было нечто странное: не угроза, а мольба. Она не хотела, чтобы он уходил. Она хотела, чтобы он подчинился — чтобы ей не пришлось выбирать между профессиональной лояльностью и дружбой.

— Если моя карьера держится на подделке результатов — она не стоит того, чтобы её сохранять.

Наступила тишина. Кузнецов смотрел в стол. Трофимов рисовал круги на листе бумаги. Марина закусила губу.

— Хорошо, — сказал наконец Кузнецов. — Дело отложено на неделю. Я скажу департаменту, что требуется дополнительная экспертиза. За это время... — он посмотрел на Виктора, — ...подумай ещё раз.

— Я не передумую.

— Подумай, — повторил Кузнецов твёрже.

Совещание закончилось. Виктор вышел из кабинета последним. В коридоре его догнала Марина.

— Ты идиот, — сказала она без злости. — Герой-одиночка. Думаешь, ты изменишь систему?

— Я не пытаюсь изменить систему. Я пытаюсь остаться человеком.

— Человеком? — Марина остановилась. — Виктор, ты создал эту систему. Твои методики, твои алгоритмы — они работают. Теперь ты решил, что они работают против людей?

— Я решил, что любой инструмент можно использовать во зло. И я больше не хочу быть частью этого.

— Тогда уходи из Комиссии, — сказала Марина. — Уходи, если не можешь с этим жить. Но не пытайся саботировать систему изнутри. Ты проиграешь.

— Может быть, — сказал Виктор. — Но хотя бы попытаюсь.

Он повернулся и пошёл к лифту. Марина осталась стоять в коридоре — одна, под серым светом ламп дневного освещения.

Дома его ждал новый удар.

Кира сидела на кухне с ноутбуком и, когда Виктор вошёл, подняла голову. В её глазах был странный блеск — смесь вызова и страха.

— Пап, я подала заявление.

— Какое заявление?

— На досрочную оценку ИПН.

Виктор почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Что? Зачем?

— Мне нужно для поступления в художественный вуз. Приёмная комиссия требует ИПН не ниже 70. Если я получу 70 — я поступлю. Если нет — ну, значит, не судьба.

— Кира, ты не понимаешь. Оценка — это не просто цифра. Это...

— Я знаю, что это, пап. Ты мне триста раз объяснял. Нейросканирование, тесты, интервью. Всё объективно, научно, справедливо. Я верю в систему.

Она сказала это с таким сарказмом, что Виктору стало холодно.

— Кира, прошу тебя, отзови заявление. Дай мне время. Я поговорю с приёмной комиссией, найду другой способ...

— Какой? — перебила она. — Какой другой способ? В мире твоей системы — только один способ. Оценка. Цифра. ИПН. Ты сам учил меня, что это единственный объективный критерий.

— Я был неправ.

Кира замерла. Смотрела на него с изумлением.

— Что?

— Я был неправ, — повторил Виктор. — Система несовершенна. Её используют во зло. Я не хочу, чтобы ты стала её жертвой.

— Слишком поздно, пап, — тихо сказала Кира. — Я уже подала. Меня записали на следующую неделю. К Марине Светловой.

Новый удар. Марина. Его коллега, его ученица, его — теперь — оппонент.

— Я поговорю с ней.

— Не надо, — отрезала Кира. — Я хочу пройти оценку. Честно. Без твоих связей. Пусть система покажет, насколько я "нормальная".

— А если результат будет низким?

— Тогда я узнаю правду. И ты — тоже.

Она захлопнула ноутбук и ушла в комнату.

Виктор остался один на кухне. Он смотрел на закрытую дверь — и чувствовал, как трещина, которая росла все эти дни, наконец расколола его мир надвое.

— Я не позволю этому случиться, — сказал он вслух. — Я вытащу тебя. Даже если придётся разрушить всё, что я построил.

Но он не знал — сможет ли.

Глава 4. Машина оценки

Виктор проснулся в четыре утра и долго смотрел в потолок.

Рядом тихо дышала Ольга — ровно, без всхлипов, без тревожных вздохов, которые последние две недели стали её постоянными спутниками. Она спала на правом боку, поджав колени к груди, и в слабом свете уличного фонаря, пробивавшемся сквозь неплотно задёрнутые шторы, казалась моложе своих лет. Почти беззащитной.

Виктор осторожно поднялся, прошлёпал босиком на кухню и включил чайник. Пальцы дрожали, когда он засыпал кофе в турку. Не от холода — в квартире было душно, батареи топили вовсю, — от того мелкого внутреннего напряжения, которое поселилось в нём после разговора с Кузнецовым. Три дня прошло, а ощущение липкой бумаги под рукой не отпускало.

Письмо он так и не отправил. Точнее, отправил — но не то, которое обещал Кузнецову.

Сидя в кабинете после той встречи, Виктор открыл шаблон заключения, посмотрел на пустую графу «Рекомендованный ИПН», и вдруг, не отдавая себе отчёта, начал печатать совсем другой текст. Формально — аналитическую записку. Фактически — возражение.

«В ходе повторного анализа материалов по делу Руднева А.В. — писал он, — мною выявлены следующие несоответствия между первичными данными нейросканирования и окончательными выводами межведомственной комиссии. Процент ошибки первого рода при текущей конфигурации алгоритма составляет не менее 3,7 %, что при принятии решений об изоляции является статистически значимым...».

Он отправил это на внутреннюю почту Кузнецова, но с копией в архив. Формально — служебная переписка. Неофициально — первая трещина в его собственной карьере.

Теперь, глядя на синее пламя газовой конфорки, Виктор думал о том, что утро начнётся с приёма новых клиентов, и среди них будет как минимум один, по которому решение уже принято. Начальство ждало от него не диагностики, а подписи. Кузнецов был прямолинеен: «Ты должен подтвердить результаты первичного скрининга, Виктор Павлович. Мы не можем позволить себе ошибки в этом квартале».

«Мы не можем позволить себе ошибки» — стандартная формулировка. Но в устах Кузнецова она звучала как «мы не можем позволить себе правду».

Виктор допил кофе, надел рубашку, застегнул пиджак и вышел в коридор. На пороге комнаты Киры горел ночник — тусклая жёлтая лампочка, которую она включала, когда боялась темноты. Из-за приоткрытой двери доносилось тихое сопение. На секунду он замер, вглядываясь в силуэт дочери, укрытой одеялом с головой. Рисунки на столе — он видел их краем глаза — лежали стопкой, перевёрнутые лицом вниз. Он не стал их трогать.

— Пап? — сонный голос Киры заставил его вздрогнуть.

— Спи, малыш. Рано ещё.

— Ага, — она перевернулась на другой бок. — Ты сегодня поздно?

— Постараюсь вернуться к ужину.

— Не обещай, — буркнула она в подушку, и Виктор почувствовал, как внутри что-то сжалось. Слишком взрослая интонация для шестнадцати лет. Слишком горькая.

Он закрыл дверь и вышел на лестницу. Свет на площадке не горел — опять перегорела лампочка, и управляющая компания не спешила её менять. В темноте он чуть не споткнулся о чей-то велосипед, прислонённый к стене, чертыхнулся и нащупал перила.

Первый клиент был назначен на девять. Женщина, тридцать семь лет, мать-одиночка. Направление от социальной службы. Причина: «потеря трудоспособности, подозрение на депрессивное расстройство, рекомендация комиссии — оценка ИПН».

Виктор знал этот сценарий наизусть. Одинокая мать, у которой нет ресурса держать лицо. Школа замечает, что ребёнок приходит неопрятным, учителя пишут докладную, социальная служба проверяет жилищные условия, находит «потенциально опасную среду», и запускается механизм. Женщина даже не знает, что её уже оценили — предварительно, на основе анкет и данных из поликлиники. Виктор должен был лишь поставить штамп.

В автобусе он листал файлы на планшете. Светлана Белова, 1978 года рождения. Образование среднее специальное, бухгалтер. Работала в небольшой строительной фирме, сокращена год назад. Муж ушёл, когда ребёнку было два года. Дочь — десять лет, учится в четвёртом классе, успеваемость средняя, но за последние полгода — резкое снижение. Живут на пособие и случайные подработки.

К стандартному делу прилагалось заключение участкового психиатра: «склонность к апатии, снижение критики к своему состоянию, рекомендовано стационарное наблюдение».

Виктор хмыкнул. «Снижение критики к своему состоянию» — это стандартная формулировка для тех, кто не плачет на приёме и не просит помощи. Если женщина не рыдает в кабинете врача — значит, она «не осознаёт тяжести своего положения», а если рыдает — значит, «эмоционально нестабильна». Ловушка, из которой невозможно выбраться.

КБП встретил его привычным запахом хлорки и бумажной пыли. В холле уже сидели двое — пожилой мужчина в потрёпанном пальто и женщина с ребёнком лет семи. Мальчик рисовал на планшете, высунув язык от усердия, и рядом с ним лежал портативный пульсометр — стандартное оборудование для детей его возраста, обязательное с прошлого года. Виктор мельком глянул на дисплей: частота пульса — 112. Выше нормы для спокойного состояния. Ребёнок нервничал, хотя старался не подавать виду.

— Виктор Павлович, — окликнула его вахтёрша, полная женщина с седым пучком на затылке. — К вам пришли пораньше. Та, с направлением от соцслужбы.

— Белова? — уточнил он, хотя знал ответ.

— Она самая. Сидит в триста пятом, я проводила.

Виктор кивнул, поднялся на третий этаж и на секунду задержался перед дверью, собираясь с мыслями. Потом нажал ручку и вошёл.

Женщина сидела на стуле у окна, сложив руки на коленях, и смотрела прямо перед собой. Её лицо было спокойным — слишком спокойным, — но пальцы сцеплены так сильно, что

побелели костяшки. Типичный защитный механизм: контроль над телом, когда контроль над жизнью потерян.

— Светлана Ивановна? — Виктор сел напротив, положил планшет на стол. — Я Виктор Павлович, старший психолог центра. Рад познакомиться.

— Здравствуйте, — её голос звучал ровно, без тени эмоции. Она не улыбнулась, не нахмурилась, не отвела взгляд. Просто смотрела на него с выражением вежливого ожидания.

— Как добрались? Не замёрзли?

— Нормально.

— Чаю? Кофе? У нас есть автомат на этаже.

— Спасибо, не надо.

Виктор кивнул, делая пометку в планшете. Классический симптом глубокой депрессии: утрата способности принимать даже элементарную заботу. Не из гордости — из истощения. Когда каждая мелочь требует усилия, которого нет.

— Светлана Ивановна, я ознакомился с вашим делом. У меня есть несколько вопросов, но, если вы не против, я бы хотел начать с короткой процедуры. Это стандартное нейросканирование. Никакой боли, никакого дискомфорта. Вы просто сидите, я надеваю вам на голову обруч, и через пару минут мы получаем исходные данные. Хорошо?

— Хорошо, — она послушно наклонила голову, позволяя ему закрепить датчики на висках и затылке.

Виктор включил аппарат. На экране побежали графики — альфа-ритмы, бета-ритмы, соотношение активности лобных долей и лимбической системы. Он смотрел на цифры, и внутри него медленно нарастало беспокойство.

Показатели фронтальной коры — зоны, отвечающей за планирование и контроль — были существенно снижены. Амигдала, напротив, демонстрировала повышенную активность, но без соответствующих вегетативных реакций. Это означало, что женщина находилась в состоянии хронического стресса, но уже перестала на него реагировать физически. Организм исчерпал ресурс.

ИПН-предварительный: 68 баллов.

Это была пограничная зона — между «наблюдение» и «изоляция». Ещё пять-шесть баллов — и система дала бы автоматическую рекомендацию на принудительное лечение. Виктор посмотрел на женщину, которая спокойно сидела перед ним, ожидая приговора, и понял, что если бы не её дочь, эти баллы могли быть на десять-пятнадцать пунктов выше. Она держалась ради ребёнка — но держалась из последних сил.

— Светлана Ивановна, — сказал он, откладывая планшет. — Расскажите мне о своей дочери.

Впервые за всё время её лицо изменилось. Глаза дрогнули, уголки губ опустились, и Виктор увидел ту самую эмоцию, которую она так старательно прятала — страх.

— Аня в порядке, — произнесла она слишком быстро. — Она хорошая девочка. Учится. Кушает нормально. Я всё делаю...

— Я не сомневаюсь, — мягко перебил он. — Просто хочу понять, как вы справляетесь.

— Справляюсь.

— Светлана Ивановна, я не социальный работник. Я не заберу у вас ребёнка. Я здесь, чтобы помочь вам. Но для этого мне нужно знать правду.

Она замолчала. Долгую минуту смотрела в пол, и Виктор видел, как борются в ней гордость, страх и отчаяние. Наконец, она заговорила — тихо, почти шёпотом.

— Я устроилась уборщицей в торговый центр. По ночам. Сын хозяйки — он иногда даёт подработки. Платят копейки, но на хлеб и молоко хватает. Аня не знает. Я говорю ей, что работаю бухгалтером удалённо. Она гордится мной. Думает, что я сижу дома и щёлкаю на клавиатуре, а я... — голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я не сплю нормально уже

полгода. Я боюсь оставить её одну. Каждый раз, когда она уходит в школу, я думаю, что её могут забрать. Потому что я — плохая мать. Потому что у меня нет денег на репетиторов. Потому что я не могу купить ей нормальную куртку на зиму, и учителя смотрят на неё с жалостью. А когда смотрят с жалостью — это первый шаг к тому, чтобы написать докладную.

Виктор молчал, давая ей выговориться. Графики на экране скакнули — пульс участился, альфа-ритм сместился в сторону гаммы. Она плакала, но не издавала ни звука. Только слёзы текли по щекам, и она размазывала их тыльной стороной ладони, словно стесняясь самой себя.

— Я знаю, что я не в порядке, — продолжила она. — Я знаю, что у меня депрессия. Но если вы поставите мне ИПН ниже семидесяти, меня отправят на терапию, и я потеряю работу. А если поставлю выше — меня признают социально опасной, и Аню отдадут в интернат. В любом случае я проиграю. Так какая разница, что я скажу?

— Есть третий вариант, — тихо сказал Виктор.

Она подняла на него заплаканные глаза.

— Я рекомендую амбулаторную программу поддержки для матерей-одиночек. Это не терапия в классическом понимании. Это группа, где вы можете получить помощь без потери статуса. ИПН останется в зелёной зоне, но вы получите доступ к психологу два раза в неделю и к детскому дневному центру при КБП. Вашу дочь будут забирать из школы, кормить, делать с ней уроки. Бесплатно.

— Зачем вам это? — спросила она с подозрением. — Что вы хотите взамен?

Виктор посмотрел на неё. Хотел сказать правду: «Потому что я тоже отец. Потому что я боюсь за своего ребёнка. Потому что если я не начну хоть что-то делать прямо сейчас, то однажды моя дочь окажется на вашем месте, и никто не предложит ей третий вариант».

Но вместо этого он просто сказал:

— Это моя работа.

Она не поверила — он видел это по её глазам. Но кивнула.

— Хорошо. Я согласна.

— Отлично. — Виктор открыл форму заключения и начал заполнять. ИПН — 71. Жёлтая зона, амбулаторное наблюдение. Ниже, чем предварительные 68, но достаточно для того, чтобы система не включила красный флаг. Он добавил примечание: «Рекомендована социально-психологическая поддержка без изоляции. Наблюдение — один раз в две недели».

Он отправил документ в систему, закрыл планшет и поднялся.

— Через три дня получите направление по почте. Если возникнут вопросы — звоните. Я оставлю вам свой прямой номер.

— Спасибо, — она произнесла это так, словно слово весило тонну.

— Берегите себя. И Аню.

Женщина вышла, и Виктор остался один. Он выключил аппарат, протёр датчики спиртовой салфеткой и сел обратно в кресло на колёсиках, откинув голову на спинку.

«Я защищаю общество от хаоса», — повторил он про себя старую мантру, и впервые за много лет она прозвучала как насмешка.

— Ну что, герой, — пробормотал он вслух. — Доволен?

— Чем? — голос заставил его вздрогнуть.

В дверях стояла Марина Светлова. Высокая, худая, с короткой стрижкой и пронзительным взглядом, который, казалось, просвечивал собеседника насквозь. Она была на два года младше Виктора, но в КБП работала уже восемь лет — на два больше, чем он.

— Марина. Ты подслушиваешь?

— Не подслушиваю, а контролирую качество, — она улыбнулась, и в улыбке мелькнула знакомая ирония. — Ты проводишь консультации без наблюдателя. Я решила проверить, не нарушаешь ли ты протокол.

— Я его нарушаю, — признался Виктор. — Я только что поставил ИПН на три пункта выше предварительного. Просто потому, что захотел.

Марина присвистнула.

— Смело. Кузнецов не обрадуется, когда увидит расхождение.

— Кузнецов и не увидит. Я отправил в архив до подписания.

— Хитро, — она вошла в кабинет и села на стул, на котором только что сидела Белова. — Слушай, я тут зачем пришла. У меня завтра сложный клиент. Мальчик, восемь лет. Аутистический спектр, тяжёлая форма. Первичный скрининг — 42 балла.

Виктор поморщился.

— Ему восемь. ИПН для восьмилетки — это нонсенс.

— Закон есть закон. Если вербальный контакт невозможен, а поведение признано социально опасным... — она пожала плечами.

— Кто направил?

— Школа. Он ударил одноклассника. Тот упал, ударился виском о парту — лёгкое сотрясение. Родители мальчика написали заявление, школа подключила соцслужбу. Стандартная процедура.

— Ударил, потому что его спровоцировали?

— Скорее всего. Но это не имеет значения. В протоколе написано: «физическая агрессия». Диагноз — аутизм. Формула простая: особый случай равняется особая мера.

Виктор потёр переносицу. Голова начинала болеть.

— И что ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты посмотрел его дело. До того, как я проведу оценку. Мне нужно второе мнение.

— Ты хочешь перестраховаться, чтобы потом сказать «Виктор Павлович подтвердил»?

— Я хочу быть уверена, что не отправлю ребёнка в интернат из-за статистической ошибки, — жёстко сказала она. — Если ты считаешь, что я паникую — скажи. Я приму решение сама. Но если у тебя есть сомнения — я хочу о них знать.

Она протянула ему планшет с открытым файлом. Виктор взял его, пробежал глазами по первой странице.

Имя: Степан Жилин. Возраст: 8 лет. Диагноз: расстройство аутистического спектра, F84.0. Сопутствующие: задержка речевого развития, сенсорная гиперчувствительность.

Причина направления: «агрессивное поведение, представляющее угрозу для окружающих».

Описание инцидента: «На перемене ударил одноклассника по голове учебником. При попытке педагогического вмешательства оказал физическое сопротивление, укусил учительницу за руку».

Виктор перелистнул. Медицинская карта была тонкой — Степа не состоял на учёте у психиатра до этого года, хотя признаки аутизма проявлялись с раннего детства. Мать обращалась к неврологу, проходила курсы коррекции, но официального диагноза до школы не ставили. Диагностировали только в первом классе, после того как учительница пожаловалась на поведение.

— Мать — Анна Жилина, тридцать один год, работает продавцом в продуктовом магазине. Отца нет. Живут вдвоём в съёмной квартире, — Марина продиктовала это наизусть, не глядя в файл. — Она боится, что Степу заберут. Я разговаривала с ней вчера — она на грани истерики. Говорит, что Степа — добрый мальчик, что он никогда не проявлял агрессии без причины, что в тот день его кто-то толкнул, и он просто испугался.

— Ты ей веришь?

Марина помолчала.

— Я верю, что она верит. Но это не отменяет факта: ребёнок с диагнозом, который не может контролировать свои реакции, представляет статистический риск. Если я поставлю ИПН ниже сорока, его отправят в специализированный интернат. Если выше — он останется дома, но без поддержки, и инцидент повторится.

— А если поставить в серую зону?

— Серой зоны для детей не существует. Ты же знаешь. После пятидесяти — домашнее наблюдение с ежемесячным контролем. После сорока — институциональное вмешательство. Сорок два — это приговор.

Виктор посмотрел на цифры. 42 балла. Всего на два пункта выше, чем нужно, чтобы Степа остался с матерью. Два пункта — и жизнь ребёнка меняется навсегда.

— Ты можешь провести повторное сканирование? — спросил он.

— Могу. Но результат будет тем же. Аппаратура калибрована, погрешность — не больше процента. Сорок два — это сорок два.

— Если он сенсорно чувствителен, сканирование могло быть искажено. Шум, свет, незнакомая обстановка — всё это влияет на показатели.

Марина внимательно посмотрела на него.

— Ты предлагаешь мне подтасовать результаты?

— Я предлагаю тебе провести оценку в комфортной для ребёнка обстановке. Дома, с мамой рядом. Если показатели не изменятся — значит, я ошибался. Но если изменятся... — он развёл руками.

— Это не по протоколу.

— Протокол не запрещает альтернативные условия, если они документально обоснованы. Напиши в заключении: «сенсорная гиперчувствительность, рекомендовано повторное тестирование в привычной среде». Система не отклонит.

Марина кусала губу — признак глубокого раздумья. Наконец, она кивнула.

— Хорошо. Я попробую. Но если Кузнецов узнает...

— Он не узнает. Если только ты сама ему не расскажешь.

— А ты? Ты бы рассказал?

Виктор посмотрел на неё. Вспомнил письмо, которое отправил Кузнецову. Вспомнил женщину, которая только что вышла из его кабинета, и мальчика, которого она больше всего боялась потерять.

— Я бы сказал, что это моя работа, — ответил он. — Защищать общество от хаоса.

Марина фыркнула.

— Ты становишься циником, Виктор Павлович.

— Я становлюсь реалистом.

Она поднялась, забрала планшет и пошла к двери.

— Я позвоню тебе после повторного теста. Если что-то пойдёт не так, ты должен быть готов подписать второе мнение.

— Буду.

Она вышла, и Виктор остался один. Он посмотрел на часы: 10:27. До обеда ещё два с половиной часа. Следующий клиент — в одиннадцать. Пожилой мужчина, вдовец, направление от районного врача. Предварительный диагноз: деменция ранней стадии. Вердикт уже был подготовлен соцслужбой: рекомендовано помещение в дом престарелых закрытого типа.

Виктор открыл файл, чтобы ознакомиться с делом, но буквы расплывались перед глазами. Он поймал себя на том, что думает не о пожилom мужчине, который через час сядет на этот стул, и не о Беловой, которая сейчас едет в автобусе домой, надеясь, что всё обойдётся. Он думал о Степе.

О том, что в этой системе где-то есть его собственная дочь.

И о том, что если однажды какая-нибудь школьная учительница напишет докладную на Киру — а он знал, что это лишь вопрос времени, — то за этим столом будет сидеть другой психолог, который откроет файл, увидит предварительные цифры и решит судьбу его ребёнка так же, как он сам каждое утро решал судьбы чужих детей.

И что, если этот психолог окажется таким же, как Кузнецов, — никакое письмо не спасёт.

Виктор захлопнул планшет, подошёл к окну и долго смотрел на серое зимнее небо, на крыши домов, на редкие фигурки прохожих, кутавшихся в воротники. Где-то там, в одном из этих домов, сидел маленький мальчик, который не знал, что сегодня решается его жизнь. И женщина, которая молилась, чтобы решение было правильным.

— Прости, — тихо сказал Виктор кому-то невидимому. — Я не знаю, как защитить всех сразу.

Глава 5. Границы допустимого

Обеденный перерыв Виктор провёл в ординаторской, глядя в одну точку на стене, где висела старая карта города с отметками районов патрулирования. Кто-то из коллег принёс пирожки с капустой — они стояли на столе нетронутыми, остывшие и покрытые салфеткой. Виктор не чувствовал голода. Перед глазами всё ещё стояла Светлана Белова с её трясущимися руками и мальчик, которого Марине предстояло оценить завтра.

Он заставил себя встать и направиться в триста пятый кабинет, где уже ждал следующий клиент.

Пожилой мужчина сидел на стуле, выпрямившись, как солдат на параде. Ему было семьдесят два года — Виктор помнил это из файла, — но выглядел он старше: глубокие морщины, жёлтая кожа, взгляд, устремлённый куда-то сквозь стену. На нём был старый, но аккуратно выглаженный костюм, при галстук, хотя галстук был завязан неровно — явно чьими-то чужими руками.

— Виктор Павлович, — психолог сел напротив, протянул руку. — Рад познакомиться.

Мужчина медленно перевёл взгляд на него, посмотрел на протянутую руку, словно видел её впервые, и осторожно пожал. Ладонь была сухой, костистой, с выступающими венами.

— Пётр Ильич, — произнёс он с заметным усилием. — Извините, я... память подводит в последнее время.

— Ничего страшного, Пётр Ильич. Мы здесь как раз для того, чтобы разобраться, что происходит. Расскажите мне о своём самочувствии.

Мужчина замолчал, собираясь с мыслями. Виктор терпеливо ждал. В таких случаях нельзя торопить — давление лишь усугубляет когнитивный блок.

— Я забыл, как зовут мою внучку, — наконец выговорил Пётр Ильич. — Вчера. Она пришла, поздоровалась, а я сидел и не мог вспомнить. Смотрел на неё и думал: «Кто эта девушка? Почему она называет меня дедушкой?» А потом вспомнил. Через час. Но этот час... — он сглотнул. — Я смотрел на неё, и мне казалось, что я схожу с ума.

— Это вас напугало?

— Я испугался не за себя. Я испугался, что сделаю ей больно. Что она поймёт: дедушка больше не знает, кто она. Для ребёнка это страшно.

Виктор кивнул, делая пометки. Типичная картина ранней деменции: сохранность социального восприятия при утрате когнитивных функций. Мужчина осознавал свою проблему — это отличало его от пациентов с более глубокими стадиями, но делало диагноз не менее горьким.

— Вы живёте один?

— Один. Жена умерла пять лет назад. Дочь — в соседнем городе, приезжает раз в месяц. Говорит, что я должен переехать к ним, но я не хочу быть обузой.

— А как вы справляетесь с бытовыми делами?

— С трудом, — признался он. — Я перестал готовить — боюсь забыть выключить газ. Покупаю готовую еду в магазине. Иногда забываю, что уже поел, и ем снова. Стиральную машину я сломал — нажал не ту кнопку. Теперь покупаю нижнее бельё в супермаркете каждый месяц, потому что стирать не в чем.

Он говорил спокойно, даже с какой-то мрачной иронией, но Виктор видел, как дрожат его руки. Страх быть уничтоженным. Не болезнью — системой.

— Пётр Ильич, я должен провести стандартную процедуру оценки. Это займёт около сорока минут. Вас предупредили об этом?

— Да. Дочь сказала, что от этого зависит, останусь я дома или нет.

— Ваша дочь права.

Виктор начал процедуру. Тест на вербальную память: пять слов, повторить сразу, повторить через пять минут. Тест на внимание: вычеркнуть определённые буквы из текста. Тест на пространственное мышление: скопировать рисунок. Нейросканирование: обруч на голову, тихий гул аппарата, графики на экране.

Результаты были ожидаемыми. ИПН — 58. Зона, требующая вмешательства, но не изоляции. Стандартная рекомендация по протоколу: помещение в дом престарелых закрытого типа с когнитивной поддержкой. Формально — «специализированное учреждение с круглосуточным наблюдением». Фактически — приговор к одиночеству среди чужих стен.

— Пётр Ильич, — сказал Виктор, откладывая планшет. — У меня есть альтернативная рекомендация. Но она требует вашего согласия.

Мужчина поднял на него усталые глаза.

— Слушаю.

— В городе есть экспериментальная программа «Когнитивная поддержка на дому». Социальный работник приходит три раза в неделю, помогает с бытом, контролирует приём лекарств, проводит когнитивные тренировки. Раз в месяц — осмотр врача. Вы остаётесь дома, но под наблюдением.

— А дочь? Ей не придётся за мной ухаживать?

— Нет. Программа финансируется из муниципального бюджета.

Пётр Ильич долго молчал. Потом спросил:

— Сколько людей прошли через эту программу?

— Честно? — Виктор помедлил. — Я не знаю точной статистики. Но я знаю, что она существует.

— И вы предлагаете мне стать подопытным кроликом?

— Я предлагаю вам шанс остаться дома. Выбор за вами.

Мужчина посмотрел на свои руки, лежащие на коленях. Потом поднял голову.

— Я согласен.

Виктор выдохнул. Он открыл форму заключения и начал печатать, тщательно подбирая формулировки: «Пациент выразил осознанное согласие на участие в программе амбулаторной поддержки. Рекомендовано динамическое наблюдение с частотой три визита в неделю. Стационарное размещение — при ухудшении состояния или отказе от сотрудничества».

ИПН — 58. Жёлтая зона. Система не включит тревогу.

— Спасибо, — сказал Пётр Ильич, поднимаясь. — Я не знаю, зачем вы это делаете, но спасибо.

— Это моя работа, — ответил Виктор. И почувствовал, как слова обжигают горло.

После ухода мужчины он долго сидел неподвижно. В ординаторской всё ещё пахло пирожками, но к запаху примешивалось что-то горькое — то ли остывший кофе, то ли собственное бессилие.

В дверь постучали. Вошёл Кузнецов.

— Виктор Павлович, есть минута?

— Конечно, — Виктор поднялся, внутренне собираясь.

Кузнецов оглядел кабинет, словно проверяя, нет ли посторонних, плотно прикрыл дверь и сел напротив. Он был не один — за его спиной стоял мужчина лет сорока, коротко стриженный, в строгом тёмном костюме, без галстука. Типичная внешность службы внутренней безопасности.

— Это Андрей Викторович Зорин, — представил Кузнецов. — Он курирует вопросы соблюдения протоколов оценки в нашем регионе.

Зорин кивнул, не протягивая руки.

— Виктор Павлович, мы изучили вашу аналитическую записку по делу Руднева, — начал он без предисловий. Голос был ровным, лишённым эмоций, как у диктора автоинформатора. — У нас есть несколько вопросов.

— Слушаю.

— Вы направили копию в архив до утверждения начальником отдела. Это нарушение внутреннего регламента.

— Я направил копию для служебного пользования, — спокойно ответил Виктор. — В записке содержатся технические замечания, требующие проверки. Архив — стандартное место хранения черновиков.

— Черновики, не согласованных с руководителем.

— Регламент не требует предварительного согласования аналитических записок, — Виктор говорил уверенно, хотя внутри всё сжалось. — Требуется согласование только итоговых заключений. Записка — рабочий документ.

Зорин и Кузнецов переглянулись.

— Дело Руднева закрыто, — жёстко сказал Кузнецов. — Решение принято коллегиально. Твои замечания... преждевременны.

— Я не оспариваю решение, — Виктор сделал паузу. — Я лишь указал на статистическую погрешность, которая могла повлиять на результат. Если комиссия сочтёт мои замечания несущественными — я приму это.

— Ты понимаешь, что такие записки создают прецедент? — Кузнецов наклонился вперёд. — Если каждый психолог начнёт оспаривать результаты коллегиальных решений...

— Я не оспариваю. Я уточняю.

— Уточнять будешь в рамках служебной переписки с непосредственным руководителем, — вмешался Зорин. — А не через архив. Ещё один такой «черновик» — и мы будем вынуждены поставить вопрос о соответствии занимаемой должности.

Виктор промолчал.

Зорин поднялся.

— Надеюсь, мы поняли друг друга, Виктор Павлович. Ваша работа — проводить оценку в соответствии с протоколом. Не исправлять систему. Система не нуждается в исправлении.

Он вышел, не попрощавшись. Кузнецов задержался на секунду, бросил короткий взгляд на Виктора и вышел следом.

Виктор остался один. Он смотрел на дверь, за которой скрылись двое мужчин, решающих судьбы чужих людей, и чувствовал, как внутри закипает глухая, тяжёлая злоба.

«Не исправлять систему. Система не нуждается в исправлении».

Он вспомнил слова, которые говорил себе каждое утро: «Я защищаю общество от хаоса». И впервые отчётливо понял, что хаос — это не безумие. Хаос — это порядок, который не оставляет выбора.

В кармане завибрировал телефон. Виктор вытащил его — на экране высветилось имя Марины.

— Слушаю.

— Виктор, — голос у неё был странный, напряжённый. — Ты можешь подойти в триста восьмой?

— Что случилось?

— Степа Жилин. Я провела повторное тестирование дома. Результат... ты должен это увидеть.

— Я через минуту.

Он выбежал в коридор, почти столкнувшись с медсестрой, которая несла стопку историй болезни. Триста восьмой кабинет находился в конце коридора, и Виктор буквально влетел в него.

Марина стояла у стола, глядя на экран планшета. Рядом сидела женщина — молодая, бледная, с тёмными кругами под глазами. На руках она держала мальчика лет восьми, который уткнулся лицом ей в плечо и не поднимал головы.

— Анна Жилина, — представилась женщина тихо. — Мама Степы.

— Виктор Павлович, — кивнул он и перевёл взгляд на Марину. — Что показывает?

— Сорок девять, — сказала Марина шёпотом, словно боялась, что кто-то услышит. — Понимаешь? Сорок девять.

Виктор подошёл к столу, посмотрел на графики. Альфа-ритм был стабилен, бета-ритм — в пределах нормы, лимбическая система — без признаков хронической активации. ИПН — 49. Зелёная зона.

— Это невозможно, — сказал он. — Первичное сканирование показало сорок два.

— Я знаю. Я перепроверила трижды. Аппарат исправен. Погрешность — в пределах нормы. Результат — сорок девять.

Виктор посмотрел на мальчика. Степа по-прежнему не поднимал головы, но его дыхание было ровным, спокойным. Он не проявлял признаков стресса. Сенсорная гиперчувствительность, которая должна была исказить результаты, в привычной обстановке не сработала.

— Первичный тест проводился в школе, — медленно проговорил Виктор. — В кабинете психолога. Шум, незнакомая обстановка, запахи, яркий свет. Для ребёнка с сенсорной гиперчувствительностью это пытка. Аппарат измерил не его состояние — он измерил его реакцию на стресс.

— Именно, — кивнула Марина. — Первичный результат был артефактом. Истинное значение — сорок девять.

— Что это значит? — спросила Анна Жилина, переводя взгляд с Виктора на Марину. — Это значит, что Степа останется дома?

— Да, — сказал Виктор твёрдо. — Это значит, что Степа останется дома.

Женщина закрыла глаза, и по её щеке потекла слеза. Она не всхлинула, не разрыдалась — просто сидела, прижимая к себе сына, и плакала молча, беззвучно, как умеют плакать только те, кто давно разучился просить о помощи.

— Я запишу вас на амбулаторное наблюдение, — сказала Марина, садясь за стол. — Раз в месяц. С возможностью корректировки частоты. Если возникнут вопросы — звоните.

— Спасибо, — голос Анны дрожал. — Спасибо вам обоим.

— Не за что, — ответил Виктор. — Это наша работа.

Он проводил их до выхода, вернулся в кабинет и сел напротив Марины.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он.

— Что первичный скрининг даёт погрешность из-за внешних факторов?

— Нет. — Виктор покачал головой. — Это значит, что мы можем доказать: система врёт. Если каждый ребёнок с сенсорной гиперчувствительностью будет проходить тестирование в привычной среде, а не в стандартных условиях, процент ошибок снизится в разы. Мы сможем пересмотреть десятки дел.

— Или нас уволят за нарушение протокола, — мрачно заметила Марина.

— Возможно. Но сначала мы сделаем это.

— Виктор, ты понимаешь, что это игра с огнём?

— Понимаю. — Он посмотрел на неё. — Ты со мной?

Марина долго молчала. Потом кивнула.

— Чёрт с тобой. Давай попробуем.

Вечером, вернувшись домой, Виктор застал Ольгу на кухне. Она сидела за столом с кружкой чая, глядя в окно, за которым сгущались сумерки. Кира была в своей комнате — из-за двери доносилась тихая музыка.

— Ты поздно, — сказала Ольга, не оборачиваясь.

— Много работы, — он повесил пальто в прихожей, прошёл на кухню, сел напротив. — Как Кира?

— Нормально. Рисует, слушает музыку, почти не разговаривает.

— Она в порядке?

— А ты сам как думаешь? — Ольга повернулась, и Виктор увидел в её глазах то, чего боялся больше всего: усталость, смешанную с разочарованием. — Она видит, что происходит. Она не слепая.

— Я пытаюсь её защитить.

— Ты пытаешься защитить всех, кроме себя, — она взяла его за руку. — Виктор, я волнуюсь. Ты приходишь поздно, ты почти не спишь, ты о чём-то молчишь. Я знаю тебя двадцать лет. Я вижу, когда ты в беде.

Он хотел рассказать ей всё. О письме Кузнецову. О Зорине. О Степе Жилине. О страхе, который поселился в нём и не отпускал. Но вместо этого он сказал:

— Всё в порядке. Просто напряжённый квартал.

Ольга посмотрела на него долгим взглядом, отпустила руку и отвернулась к окну.

— Ты всегда так говоришь, — тихо произнесла она. — И каждый раз оказывается, что это неправда.

— Оль...

— Иди поужинай. Я оставила тебе котлеты, они в холодильнике.

Он поднялся, подошёл к холодильнику, открыл дверцу и замер, глядя на пустые полки. Котлет не было. Наверное, она просто забыла. Или он сам забыл, что она говорила об этом вчера. Или — он вдруг остро осознал — она не оставила ничего, потому что надеялась, что он придёт раньше, и они поужинают вместе, как нормальная семья.

Он закрыл холодильник, налил себе воды и сел обратно за стол.

— Оль, прости.

— Не извиняйся. Просто будь здесь. С нами. Хотя бы иногда.

— Буду. Обещаю.

Но даже когда он произносил эти слова, он знал, что не сможет их сдержать. Потому что завтра его ждал Руднев. И десятки других дел, которые нельзя было закрыть стандартной формулировкой. И тихий голос, который шептал: «Если не ты, то кто?»

И он не знал ответа.

Глава 6. Тень системы

Ночью Виктор почти не спал.

Он ворочался с боку на бок, прислушиваясь к дыханию Ольги, к тихому шуму холодильника, к редким машинам за окном. Мысли путались, накладывались одна на другую, и каждая возвращала его к одному и тому же: к лицу Руднева, к графику Киры, к письму, которое он отправил в архив.

В три часа ночи он сдался, поднялся и прошёл на кухню. Налил воды, сел за стол и уставился в темноту за окном. Где-то там, в этой темноте, спали люди, которые завтра придут к

нему на приём. Которые доверяют ему свои жизни. Которые не знают, что человек, от которого зависит их судьба, сам балансирует на грани.

Он вспомнил Петра Ильича — его костюм, его дрожащие руки, его попытку сохранить достоинство перед лицом неизбежного. Вспомнил Светлану Белову — её тихий голос, её страх за дочь, её готовность принять любой приговор, лишь бы не мучиться неизвестностью. Вспомнил Степу Жилина — мальчика, который сжимался в комок при каждом громком звуке, но дома, в тишине, оказывался обычным ребёнком с ИПН 49 вместо 42.

Сорок девять.

Если бы первичный тест проводился в привычной обстановке, Степа никогда бы не попал в красную зону. Если бы комиссия учитывала сенсорную гиперчувствительность, десятки детей остались бы с родителями. Если бы кто-то однажды задался вопросом, почему система даёт сбой...

Виктор допил воду, поставил стакан в раковину и вернулся в спальню. Ольга спала, отвернувшись к стене. Он лёг рядом, закрыл глаза и провалился в тяжёлый, липкий сон без сновидений.

Утро началось с хмурого неба и мелкого, противного дождя, который барабанил по крышам и стёклам, создавая ощущение, что весь мир налит свинцом. Виктор оделся механически, не глядя в зеркало, и вышел из дома раньше обычного, чтобы избежать разговора с Ольгой. Она всё ещё спала, когда он на цыпочках пробрался к двери и защёлкнул замок.

В автобусе он включил планшет, открыл список клиентов на сегодня и замер.

Пятым номером значился Руднев. Время приёма — 14:30. Причина — «повторная оценка по запросу межведомственной комиссии».

Повторная оценка. Значит, Кузнецов решил перестраховаться. Или Зорин. Кто-то из них понял, что письмо Виктора — не просто служебная записка, а бомба замедленного действия, и решил обезвредить её, заставив Виктора собственноручно подписать приговор.

«Ты должен подтвердить результаты первичного скрининга», — всплыли в памяти слова Кузнецова.

Виктор стиснул зубы и закрыл планшет. Он знал, что будет делать.

Следующие три часа прошли как в тумане. Он принял женщину с паническими атаками — ИПН 62, рекомендовал амбулаторную терапию. Потом мужчину средних лет с подозрением на биполярное расстройство — ИПН 55, направил к психиатру для уточнения диагноза. Потом подростка, которого привела мать — низкая успеваемость, замкнутость, подозрение на депрессию. ИПН 71, зелёная зона, но мать была недовольна: она надеялась, что сыну поставят диагноз и дадут инвалидность, чтобы не ходить в школу. Виктор объяснил, что это не в его компетенции. Мать ушла, хлопнув дверью.

К полудню он вымотался настолько, что с трудом держал планшет в руках. Организм требовал еды и сна, но адреналин гнал вперёд, не давая остановиться.

Ровно в 14:30 в дверь постучали.

— Войдите.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Максим Руднев.

Он был выше, чем Виктор запомнил по фотографии в деле, и моложе — на вид около тридцати пяти, с острыми чертами лица и цепким взглядом серых глаз. Одет в простую куртку и джинсы, никакой претензии на статус. Но было в нём что-то, что сразу заставляло насторожиться: слишком прямая осанка, слишком спокойное выражение лица, слишком уверенный шаг. Он не производил впечатления человека, которого сломала система. Он производил впечатление человека, который готов дать отпор.

— Виктор Павлович? — спросил он, хотя знал ответ.

— Да. Присаживайтесь, Максим.

Руднев сел на стул напротив, положил руки на колени и уставился на Виктора в упор. В его взгляде не было ни страха, ни надежды — только спокойное, выжидательное внимание.

— Вы знаете, зачем я здесь, — сказал он. — Мне сказали, что моё дело пересматривают.

— Ваше дело находится на стадии дополнительной проверки, — осторожно ответил Виктор. — В связи с поступившими... замечаниями.

— Замечаниями от вас, насколько я понимаю.

Виктор не стал отрицать.

— Я счёл необходимым уточнить некоторые данные первичного скрининга.

— И что вы выяснили?

— Пока ничего определённого. Для этого мы и встретились.

Руднев усмехнулся — не весело, а горько.

— Знаете, сколько таких «уточнений» я видел за последние три месяца? Три. Три комиссии, три пересмотра, три разных психолога. И каждый раз одно и то же: «Ваше дело требует дополнительного изучения». А потом приходит письмо: «По результатам повторной проверки решение оставлено в силе».

— Я не комиссия, — сказал Виктор. — Я психолог. И я хочу разобраться лично.

— Зачем?

Этот вопрос застал врасплох. Не «что вы хотите узнать», а «зачем» — с подтекстом «почему вам не всё равно».

— Потому что это моя работа, — ответил Виктор, и слова прозвучали так же фальшиво, как в прошлый раз.

— Не верю, — спокойно сказал Руднев. — Работа — это ставить штампы и отправлять отчёты. А вы написали аналитическую записку. Это не работа. Это выбор.

Виктор помолчал, собираясь с мыслями. Потом отложил планшет.

— Расскажите мне, что произошло.

Руднев смотрел на него долгую минуту, словно оценивая, стоит ли говорить правду. Потом начал.

— Я журналист. Пишу о социальных программах, о реформах, о том, как работает система оценки. Ничего сенсационного — обычная аналитика. Но год назад я взялся за тему, которая оказалась... неудобной.

— Какую тему?

— Статистику ошибок первичного скрининга. Я собрал данные по нескольким регионам, опросил экспертов, провёл собственный анализ. Выяснилось, что погрешность метода в некоторых группах населения достигает 12 %. Особенно у людей с неврологическими особенностями — аутизм, СДВГ, последствия черепно-мозговых травм. Система их систематически занижает.

Виктор слушал, чувствуя, как внутри поднимается волна холода. Он сам пришёл к этому выводу вчера, на примере Степы Жилина. Но одно дело — догадка, и совсем другое — услышать, что кто-то уже провёл исследование и получил конкретные цифры.

— И что вы сделали с этими данными?

— Написал статью. Отправил в несколько изданий. Никто не опубликовал. Потом отправил запрос в Министерство здравоохранения — с просьбой прокомментировать статистику. Получил формальный ответ: «Данные требуют дополнительной проверки». А через две недели получил повестку на обязательное психиатрическое освидетельствование.

— По чьей инициативе?

— Не знаю. Повестка была подписана рядовым врачом из районной поликлиники. Но результат освидетельствования оказался... неожиданным.

— Какой?

— Предварительный ИПН — 64. «Пограничное состояние, склонность к паранойе, рекомендовано стационарное наблюдение». Врач, который проводил осмотр, даже не задавал вопросов по существу. Он просто включил запись, прочитал список симптомов из стандартного опросника и поставил галочки. Я пытался возражать — он сказал, что это протокол.

Виктор сжал кулак под столом.

— Вы обращались к адвокату?

— Обращался. Адвокат сказал, что оспорить решение можно только через повторную комиссию. Но повторную комиссию назначает тот же врач, который вынес первичное заключение. Замкнутый круг.

— И вы согласились на повторную оценку?

— У меня не было выбора. Если бы я отказался, меня признали бы уклоняющимся и отправили на принудительное лечение без права обжалования. Так что я пришёл. Снова. И снова получил тот же результат.

Руднев говорил спокойно, но Виктор видел, как напряжены его плечи, как побелели костяшки пальцев, сцепленных в замок на коленях. Он боялся. Но не показывал этого.

— Я хочу провести независимое тестирование, — сказал Виктор. — Не по протоколу, а с учётом ваших индивидуальных особенностей. Если результаты будут отличаться, я смогу инициировать пересмотр дела на более высоком уровне.

— А если нет?

— Тогда я подпишу стандартное заключение и отправлю его в комиссию.

— И что изменится? — Руднев смотрел на него с горькой усмешкой. — Вы сделаете доброе дело, почувствуете себя героем, а завтра придёт следующий пациент, и вы снова будете выбирать: подписать или бороться. Это не меняет систему, Виктор Павлович. Это лишь продлевает агонию.

— Извините, — сказал Виктор. — Но у меня нет другого способа.

— А если я откажусь?

— Тогда вы уйдёте, и завтра вас примет другой психолог, который не станет задавать вопросов.

Руднев посмотрел в окно, за которым моросил дождь, и надолго замолчал. Потом повернулся.

— Хорошо. Я согласен.

Виктор провёл тестирование. Не стандартное — расширенное, с дополнительными шкалами, с учётом профессионального стресса, с анализом когнитивных искажений. Он задавал вопросы, которые выходили за рамки протокола, и записывал ответы вручную, не доверяя автоматической системе.

Через час он посмотрел на результаты и понял, что Руднев был прав.

ИПН-предварительный: 74. Зелёная зона. Никакой паранойи, никакого пограничного состояния. Обычный человек с высоким уровнем тревожности, вызванной стрессовой ситуацией.

Но это был предварительный результат, полученный с нарушением протокола. Система не примет его. Чтобы он стал официальным, нужно было пройти утверждённую процедуру — а она гарантированно давала те же 64 балла.

— Максим Андреевич, — сказал Виктор, откладывая планшет. — Я не могу обещать, что смогу изменить решение комиссии. Но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ваше дело было пересмотрено.

— Спасибо, — Руднев поднялся, и в его голосе впервые прозвучала усталость. — Я не особо верю в успех, но ценю вашу попытку.

Он пожал Виктору руку — сухо, коротко — и вышел, оставив после себя запах мокрой куртки и горькое послевкусие безнадёжности.

Виктор остался один. Он посмотрел на цифры на экране — 74 — и почувствовал, как внутри закипает знакомая глухая злоба. Злоба на систему, которая не позволяла видеть очевидного. Злоба на себя, потому что он был частью этой системы. И злоба на страх — липкий, холодный страх, который шептал: «Не лезь. Не борись. Подпиши и забудь».

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Ещё не вечер, — сказал он вслух.

В 17:00, когда рабочий день подошёл к концу, Виктор собрал документы и направился к выходу. Дождь усилился, и капли колотили по крыше вестибюля, создавая сплошной шумовой фон. Люди толпились у выхода, ожидая, когда стихия утихнет, но Виктор распахнул зонт и шагнул в потоки воды.

Он шёл быстро, почти бежал, перепрыгивая лужи и стараясь не думать о том, что натворил. Письмо Кузнецову, независимое тестирование Руднева, нарушение протокола — каждый из этих пунктов по отдельности тянул на выговор. Вместе — на увольнение, а то и на служебную проверку с передачей материалов в прокуратуру.

Но он не мог иначе.

В автобусе он позвонил Марине.

— Это Виктор. Ты говорила с матерью Степы?

— Да, — голос Марины звучал устало. — Я отправила заключение в комиссию с рекомендацией домашнего наблюдения. Пока тишина.

— Руднев был у меня.

— Знаю. Кузнецов предупредил.

— Он в курсе?

— Он в курсе, что ты проводишь повторную оценку. В курсе ли он, что ты делаешь это с нарушением протокола — не знаю. Но Зорин тоже был сегодня. Спрашивал о тебе.

— Что он спрашивал?

— Он хотел знать, часто ли ты отклоняешься от стандартной процедуры. Я сказала, что ты профессионал высокого класса и всегда следуешь протоколу. Он не поверил, но промолчал.

— Спасибо.

— Не за что. Просто будь осторожен, Виктор. Они ищут повод.

— Я знаю.

Он повесил трубку и посмотрел в мокрое окно автобуса. Мимо проплывали серые здания, мокрые деревья, редкие прохожие с зонтами. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая о том, что где-то в недрах системы зреет трещина.

Дома его встретила тишина. Ольга ещё не вернулась с работы, Кира сидела в своей комнате с наушниками. Виктор прошёл на кухню, включил чайник и сел за стол, уставившись в одну точку на стене.

В кармане завибрировал телефон. Он вытащил его — сообщение от неизвестного номера: «Не лезь в дело Руднева. Это не твоя война. Предупреждение последнее».

Виктор посмотрел на экран, чувствуя, как сердце начинает колотиться где-то в горле. Он перечитал сообщение дважды, потом убрал телефон в карман и закрыл глаза.

«Не твоя война».

Интересно, сколько людей слышали эту фразу перед тем, как система сожрала их без остатка?

Он открыл глаза, набрал номер Руднева и, когда тот ответил, сказал:

— Максим Андреевич, я не знаю, будет ли от этого толк, но я на вашей стороне. Если что-то пойдёт не так — звоните.

— Спасибо, — ответил Руднев после паузы. — Вы первый, кто сказал это вслух.

— Держитесь.

— Постараюсь.

Виктор повесил трубку и посмотрел на чайник, который уже закипел и автоматически отключился. Пар поднимался к потолку и таял в прохладном воздухе кухни.

Где-то в комнате Киры заиграла музыка — что-то грустное, минорное. Виктор прислушался, но не смог разобрать слов. Он налил себе чай, сел обратно за стол и долго сидел так, глядя в темноту за окном, не в силах пошевелиться.

Завтра будет новый день. И новые клиенты. И новая битва, которую он, скорее всего, проиграет.

Но, чёрт возьми, он хотя бы попытается.

Глава 7. Оценка

Кира проснулась в пять утра. Виктор слышал, как скрипнула её кровать — звук, который он научился распознавать за шестнадцать лет отцовства. Он лежал неподвижно, глядя в потолок, и считал удары сердца. За окном было темно — осеннее утро не спешило впускать свет.

Ольга спала. Он не стал её будить.

На кухне он застал Киру — она сидела за столом в халате, обхватив чашку с чаем обеими ладонями, будто пыталась согреться. Чай был нетронут.

— Ты не спишь, — сказал он глупо.

— Ты тоже.

Он сел напротив. Хотел сказать что-то ободряющее, но слова казались фальшивыми ещё до того, как срывались с языка. Вчера они говорили об этом — точнее, говорил он, а Кира молчала, глядя в стену. Он объяснял, что оценка — это формальность, что она умная девочка, что всё будет хорошо. Она слушала, не перебивала, а потом сказала:

— Ты сам не веришь в то, что говоришь.

И ушла в свою комнату.

— Ты не обязана идти, — сказал он сейчас. — Мы можем отозвать заявление.

— Я подала. — Она подняла на него глаза. — Ты же говорил, система справедлива.

Он сглотнул. Эти слова он вложил в её голову. Пятнадцать лет он повторял их за ужином, за завтраком, в машине по дороге в школу. «Система справедлива, Кира. Она защищает нас. Она оценивает риски и помогает тем, кто нуждается в помощи».

Он верил в это. Тогда. Когда ещё не видел трещин.

— Я передумал, — сказал он тихо. — Система несовершенна.

— Слишком поздно, пап.

Она допила чай одним глотком, поставила чашку в раковину и ушла одеваться.

Виктор остался сидеть за столом, глядя на пустую чашку. На дне осталось несколько капель — тёмных, горьких. Как его предчувствия.

Центр нейрооценки «Стандарт-23» находился в новом деловом квартале — стекло, бетон, хромированные перила. Здание сияло стерильной чистотой, пахло дезинфектором и пластиком. Виктор помнил, как участвовал в консультациях по проектированию таких центров — десять лет назад, когда система только внедрялась. Он тогда гордился, что его опыт пригодился.

Теперь он ненавидел этот запах.

— Документы, — сказала регистраторша.

Она была молодой, лет двадцати пяти, с идеальным макияжем и бейджем «Соколова М.А., техник-оператор». Улыбалась профессионально — Виктор знал эту улыбку, он сам учил стажёров так улыбаться. «Нейтральная доброжелательность — основа доверия клиента».

Он протянул паспорт Киры и направление.

Техник-оператор вбила данные, сверила фото.

— Раздевалка номер семь. Все украшения снять, металлические предметы оставить в ячейке. После переодевания — пройти в комнату ожидания 12-Б.

— Я знаю процедуру, — сказал Виктор.

— Тогда вы знаете, что сопровождающий остаётся в общей зоне ожидания.

Марина улыбнулась снова — и Виктор заметил, что улыбка не исчезла, но стала жёстче. Она узнала его. Конечно, узнала. Старшего психолога Лаврентьева. Автора методики.

Кира сжала его руку.

— Я справлюсь.

— Я знаю.

Он проводил её взглядом до двери. Она обернулась на пороге — тонкая фигура в больной одежде, тёмные волосы, собранные в хвост. На секунду она показалась ему ребёнком — той девочкой с разбитой коленкой, которую он утешал глупыми шутками.

Потом дверь закрылась.

Зона ожидания. Белые стены. Пластиковые стулья, привинченные к полу. На стене — телевизор, транслирующий новостной канал. Диктор говорил о повышении эффективности системы оценки, о новых алгоритмах машинного обучения, которые позволяют выявлять потенциально опасных граждан на ранних стадиях.

Виктор сидел, сцепив руки в замок, и считал плитки на потолке. Метод отвлечения, который он рекомендовал тревожным клиентам. Сейчас он был тревожным клиентом. Сорок две плитки в ширину. Шестнадцать в длину. Шестьсот семьдесят две плитки. Ему было плевать.

Телефон завибрировал — сообщение от Ольги: «Как она?»

Он написал: «На тесте. Потом позвоню».

Неизвестный номер. Сообщение: «Ты думаешь, это поможет?»

Виктор посмотрел на экран. Пальцы похолодели. Он набрал номер — абонент недоступен. Написал: «Кто это?» — и не получил ответа.

Он убрал телефон в карман.

Процедура длилась два с половиной часа. Виктор сидел на пластиковом стуле, менял позу каждые пятнадцать минут, пытался читать информационные брошюры со стойки, но буквы расплывались. В голове крутились сценарии: Кира выходит с улыбкой, говорит, что всё легко. Кира выходит заплаканная. Кира не выходит вообще — её уведут другим коридором.

Он заставлял себя дышать ровно. Провалился в странное оцепенение, когда время перестало существовать.

Дверь открылась.

В коридор вышла Кира. Бледная, с красными глазами, заплаканная. Шла медленно, будто каждый шаг давался с усилием. Техник-оператор Марина шла рядом, держа планшет, и лицо у неё было бесстрастным — тем профессиональным выражением, которое Виктор сам носил каждый день.

— Проходите в кабинет двенадцать, — сказала Марина. — Доктор Смирнова вас ждёт.

— Что с ней? — спросил Виктор, подходя к дочери.

— Стандартная процедура. Лёгкое головокружение после нейросканирования — нормальная реакция.

— Кира?

Она подняла на него глаза. В них было что-то, чего он никогда не видел. Не страх. Не боль. Пустота.

— Я хочу домой, пап, — сказала она тихо.

— Скоро, — он взял её за руку. — Я сейчас вернусь.

Он не вернулся. Он пошёл в кабинет двенадцать.

Доктор Смирнова была женщиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и усталыми глазами. Она сидела за столом, перед ней лежало заключение — несколько страниц, скреплённых скрепкой. На каждой странице — гербовая печать.

— Садитесь, Виктор Павлович.

Он сел.

— Результат?

Смирнова помолчала. Она смотрела на него с выражением, которое он узнал — это был взгляд врача, который сообщает плохие новости. Виктор сам смотрел так на клиентов перед тем, как сказать: «Ваш ИПН ниже нормы».

— Тридцать девять баллов, — сказала Смирнова.

Тишина.

Виктор слышал, как гудит компьютер. Как капает вода из крана в соседнем кабинете. Как стучит его сердце — медленно, тяжело, как похоронный барабан.

— Это ошибка, — сказал он.

— Мы провели тест трижды, — ответила Смирнова. — Результат стабильный.

— Покажите данные.

— Я не имею права.

— Я её отец. И я — старший психолог Комиссии. Покажите данные.

Смирнова посмотрела на него долгим взглядом. Потом развернула планшет к нему.

На экране — графики нейросканирования. Альфа-ритмы, бета-ритмы, активность лимбической системы. Цифры. Шкалы. Кривые, которые Виктор научился читать за пятнадцать лет.

Он смотрел на графики, и внутри него медленно разрасталась пустота.

— Повышенная активность амигдалы, — сказал он. — Это может быть стресс.

— Мы учли поправку на стресс.

— Снижение фронтальной асимметрии — это может быть усталость. Она не спала всю ночь.

— Мы учли поправку на усталость.

— Вы не можете оценить человека за два часа.

— Мы оцениваем сумму факторов, — сказала Смирнова ровно. — Вы сами писали методику.

Виктор замолчал.

Он смотрел на цифру 39, и она горела на экране, как клеймо.

— Диагноз, — сказал он. — Какой диагноз вы поставили?

Смирнова открыла файл и прочитала официальным тоном:

— «Диссоциативное расстройство с элементами антисоциального мышления. Высокий риск девиантного поведения. Рекомендовано: принудительное наблюдение, курс коррекционной терапии, ограничение социальных контактов».

— Вы отправите её в Центр.

— Мы направим рекомендацию в Комиссию, — сказала Смирнова. — Решение за ними.

— Но практически — да.

Смирнова не ответила.

Виктор смотрел на неё, и внутри него поднималась волна — тёмная, тяжёлая, почти забытая. Он не знал, как это назвать. Ярость. Отчаяние. Или начало конца.

— Я хочу увидеть протокол, — сказал он. — Полный. С сырыми данными.

— Это не предусмотрено регламентом.

— Я имею право.

— Вы имеете право подать запрос через юридический отдел, — сказала Смирнова. — В течение тридцати рабочих дней.

— У меня нет тридцати дней.

Она посмотрела на него с сочувствием — искренним или притворным, он не мог понять.

— Мне жаль, Виктор Павлович. Правда.

— Мне тоже.

Кира ждала его в коридоре. Она сидела на пластиковом стуле, обхватив колени руками, и раскачивалась вперёд-назад. Увидев отца, она подняла голову. В глазах — вопрос.

— Тридцать девять, — сказал он.

Она не заплакала. Она просто кивнула, будто ждала этого. Будто знала.

— Я так и думала, — сказала она.

— Что значит «так и думала»?

— Я знала, что у меня будет низкий балл, — сказала Кира. — Я чувствовала.

— Ты не могла знать. Система ошибается.

— А если нет? — она посмотрела на него. — Если я действительно ненормальная?

— Ты не ненормальная, — сказал он твёрже, чем чувствовал. — Ты моя дочь. И я не позволю им забрать тебя.

Они вышли из центра. На улице моросил дождь. Осень в этом году была холодной и мокрой — листья облетели рано, небо висело низко, как мокрое одеяло. Виктор раскрыл зонт, прижал дочь к себе, и они пошли к остановке.

Никто не сказал ни слова.

Дома их ждала Ольга.

Она сидела на кухне с чашкой чая, хотя чай давно остыл. Когда они вошли, она поднялась — и замерла, увидев их лица.

— Сколько?

— Тридцать девять, — сказал Виктор.

Ольга не заплакала. Она стояла неподвижно, глядя на мужа, и её лицо медленно менялось. Сначала непонимание. Потом ужас. Потом — то, что Виктор видел в зеркале каждый день последние несколько недель — пустота.

— Я пойду в свою комнату, — сказала Кира.

Она прошла мимо матери, не поднимая глаз. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Виктор и Ольга остались на кухне.

— Что мы будем делать? — спросила Ольга.

— Я буду бороться.

— Как? Ты сам создал эту систему. Ты знаешь, как она работает.

— Именно поэтому я знаю, как её обойти.

Ольга смотрела на него долгую минуту. Потом сказала — тихо, почти шёпотом:

— Это ТЫ создал этот кошмар.

Виктор не ответил.

Он повернулся и пошёл в кабинет. Закрыл дверь. Достал телефон и набрал номер, который обещал себе никогда не использовать.

— Станислав? Это Виктор Лаврентьев. Мне нужна ваша помощь.

Глава 8. Петля

Результат пришёл на электронную почту Виктора в семь утра следующего дня.

Он не спал всю ночь. Сидел в кабинете с выключенным светом, глядя на монитор, где была открыта страница личного кабинета Комиссии. Пароль он вводил автоматически — пальцы помнили комбинацию клавиш лучше, чем мозг. Система приветствовала его стандартным сообщением: «Доброе утро, Виктор Павлович. У вас 3 новых уведомления».

Первое — подтверждение записи Киры на амбулаторное наблюдение. Второе — напоминание о ежеквартальном отчёте по отделу. Третье — результат оценки с автоматически сгенерированным направлением.

Он открыл третье уведомление и замер, чувствуя, как кровь отливает от лица.

ФИО: Лаврентьева Кира Викторовна Дата рождения: 14.03.2010 ИПН: 39 (подтверждён) Диагноз: Диссоциативное расстройство (F44.9), элементы антисоциаль-

ного мышления Рекомендация: Направление в Центр коррекции поведения №7, срок — 90 суток, с последующей пролонгацией по результатам адаптации.

Семь утра. Восемнадцатый этаж. Центр коррекции. Девяносто суток. Виктор перечитал текст трижды, надеясь, что ошибся, что это чья-то жестокая шутка, что система дала сбой, что он спит и сейчас проснётся. Но текст не менялся. Буквы оставались теми же — чёрными, чёткими, неумолимыми, напечатанными стандартным шрифтом Calibri, двенадцатый кегль, одинарный межстрочный интервал. Обычный документ. Обычное утро. Необычный приговор.

Он набрал номер Марины Светловой. Гудок. Второй. Третий. Четвёртый. Она взяла трубку на пятом — голос сонный, но она ответила сразу, значит, ждала звонка или просто не спала, как и он.

— Слушаю. Виктор? Что случилось?

— Кира. Её направили в Центр коррекции.

Пауза. Виктор слышал, как она садится в кровати — шорох простыней, скрип пружин. За окном начинало светать, серый осенний рассвет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, и в этом свете лицо Виктора, отражавшееся в тёмном экране монитора, казалось чужим — осунувшимся, с тёмными кругами под глазами, с глубокими складками у рта, которых он не замечал раньше.

— Когда пришло уведомление?

— Только что. Семь утра.

— Это ошибка. Стандартная процедура не предусматривает направления для несовершеннолетних без повторной комиссии. Должно быть как минимум два независимых подтверждения, коллегиальное решение, подпись начальника отдела. Ты же знаешь регламент, ты сам его писал.

— Я знаю. Но это не ошибка.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что моя подпись стоит под заключением.

Он произнёс это вслух — и слова прозвучали как приговор. Голос дрогнул на последнем слоге, и Виктор ненавидел себя за эту дрожь. Подпись в документе, который он видел мельком вчера вечером, когда проверял почту перед сном. Документ пришёл на утверждение автоматически — система сама сгенерировала направление на основе результатов оценки, сама подставила имя ответственного психолога, сама отправила ему на подпись. Виктор тогда мельком глянул, увидел фамилию Смирновой, подумал «процедурная формальность, стандартное подтверждение результатов» и нажал «подтвердить», даже не раскрыв PDF-файл полностью. Он подтвердил направление собственной дочери в Центр коррекции, не прочитав документа. Потому что был уставшим. Потому что думал о другом. Потому что доверял системе, которую сам создавал.

— Этого не может быть, — сказала Марина. В её голосе появились металлические нотки — она переходила в рабочий режим, анализировала, просчитывала варианты. — Система не имеет права назначать ответственного без согласования с руководителем отдела. Есть протокол, есть иерархия утверждения, есть...

— Система имеет право назначать кого угодно, — перебил Виктор. — Я сам проектировал этот алгоритм. Если психолог не отклоняет документ в течение двадцати четырёх часов, решение считается принятым автоматически. Это сделано для ускорения документооборота, чтобы очереди не скапливались. Я думал, это удобно. Я думал, это эффективно.

— Ты не читал, что подписывал?

— Я думал, это формальное подтверждение результатов оценки, — сказал он, чувствуя, как голос срывается на последнем слове. Горло перехватило спазмом, пришлось сглотнуть, чтобы продолжать. — Я не знал, что туда уже вшито направление. Я проверял почту механически, я был вымотан, я не спал двое суток, я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.